

18+

НИКИТА КАРДАШЕВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОТЦА
ИЕРОНИМА
ПУТЬ НА СЕВЕР.

Никита Кардашев

**Приключения отца
Иеронима. Путь на север**

«Издательские решения»

Кардашев Н.

Приключения отца Иеронима. Путь на север / Н. Кардашев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697243-8

Эта книга — история пути к великой цели: к обретению вечной жизни. Иероним и его наставник покидают мир монастырских стен и вступают в реальность, где больше нельзя прятаться за верой, страхом или чужой волей. Их ждут дороги средневековой Европы, новые союзники и враги, древние знания и жестокие испытания. Это роман о выборе, ответственности и цене свободы, когда знание становится силой, а человек — хозяином собственной судьбы.

ISBN 978-5-00-697243-8

© Кардашев Н.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. Весть о злодеянии	7
Глава 2. Решение епископа	10
Глава 3. Давид бен Меир	14
Глава 4. Переправа и разбойники	20
Глава 5. Следствие Гюнтера фон Штайна	24
Глава 6. Под новой личиной	29
Глава 7. Хутор в глубине Шварцвальда	34
Глава 8. Сквозь Шварцвальд	36
Глава 9. Чёрная тропа	40
Глава 10. Шпайер	42
Глава 11. Давид в Шпайере	45
Глава 12. Схватка	48
Глава 13. Внутренний свет	50
Глава 14. Тень под солнцем	52
Глава 15. Корабль, плывущий в ночь	58
Глава 16. Один день флагеллянта	63
Глава 17. Крещение Мириам	65
Глава 18. Ханна и цирк	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Приключения отца Иеронима. Путь на север

Никита Кардашев

© Никита Кардашев, 2026

ISBN 978-5-0069-7243-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Когда жизненный путь человека измеряется не годами, а веками, судьба его становится подобна древнему пергаменту, на котором тонкими чернилами прописаны тысячи имен, встреч и утрат, грехов и озарений, боли и радости.

В первой книге мы познакомились с историей человека необычайной судьбы – отца Иеронима. Родившись в 1321 году в маленькой швейцарской деревне Штайнвальд, Иероним, тогда еще известный как Матиас, жил простой и незамысловатой жизнью в кругу семьи: матери-травницы Элизабет и отца-плотника Иоганна. Его детство было наполнено запахами трав и свежих стружек, холодом горных зим и теплом семейного очага. Рано почувствовав тягу к познанию истины, Матиас поступил в обучение к деревенскому священнику отцу Ансельму, впервые прикоснувшись к чтению и письму, открыл для себя мир, полный мудрости и загадок. Сердце его металось между земной любовью к девушке по имени Эльза и духовным призыванием, уведшим его в стены монастыря Святого Августина. Там, приняв постриг и новое имя Иероним, он испытал суровость монастырского быта, фанатичную строгость аббата Ионаса и собственные глубокие сомнения в правильности избранного пути. Отправленный с поручением в Констанц, он нарушил свои монашеские обеты, познав любовь земную и запретную в лице прекрасной и страстной Маргарет. Возвращение в монастырь не принесло успокоения, но подарило встречу с загадочным и мудрым отцом Бенедиктом, старцем с поразительным прошлым, чья жизнь растянулась на века. От него Иероним узнал о древнем знании, о дыхательных и холодовых практиках, о тайной силе рун, изменяющих судьбы и открывающих скрытые возможности тела и духа. Мир вокруг погрузился в хаос, когда чума – Чёрная смерть – достигла деревни Штайнвальд. На глазах Иеронима одержимая страхом толпа по наущению аббата Ионаса предала мучительной смерти его мать, обвинив её в колдовстве. Горе, гнев и жажда справедливости направили Иеронима и его учителя на путь, где древнее знание и отчаянная решимость сплелись в единое целое. Узнав от Бенедикта о таинствах рун, Иероним, ведомый жаждой отмщения и надеждой спасти родную землю, согласился на поступок, что навсегда изменил его судьбу. Вместе с Бенедиктом они принесли в жертву Одину аббата Ионаса – фанатичного палача, по вине которого была сожжена мать Иеронима. Тайный ритуал, совершённый в ночь великого страха, стал роковой развязкой. И – в ответ на их дерзкое заклинание – чума отступила от Штайнвальда и окрестных земель, оставив живых там, где, казалось, надежды уже не было. Но вместе с этим чудом наступило и новое испытание: теперь за Иеронимом и его наставником началась охота. Первая часть истории оборвалась в решающий миг, когда судьба обоих беглецов повисла на волоске. Но эта история еще далека от завершения. Во второй части Иерониму предстоит пройти дорогами, полными новых испытаний и открытий, обрести знания, что потрясут саму основу его веры и души, встретить друзей и врагов и продолжить бесконечный поиск истины, что ведет его через века и эпохи. Открывая страницы этой книги, помните: истина не бывает простой, и каждый шаг на пути к ней – испытание, через которое пройдут лишь сильнейшие.

Глава 1. Весть о злодеянии

Была уже глубокая ночь, и епископ Ульрих фон Пфедферхардт, облачённый в ночную сорочку, сидел за массивным дубовым столом в своей келье, склонившись над старинной книгой в переплёте из чёрной кожи. Одна-единственная свеча освещала её пожелтевшие страницы – сочинения Блаженного Августина о природе зла и греха. В последние дни Ульриха мучили боли в суставах; каждое движение сопровождалось мучительной болью, будто кто-то втыкал иглы прямо под кожу. Казалось, что боль усиливалась в моменты его наибольшей внутренней тревоги, и это Ульрих считал не просто совпадением, а знаком свыше – напоминанием о бренности и греховности плоти.

Епископ медленно перелистывал страницы, морщась при каждом движении пальцев, когда резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

– Ваше преосвященство! – послышался испуганный голос за дверью. – Дурные вести!

– Войди, – коротко и сухо бросил епископ, закрывая книгу.

В келью торопливо вошёл молодой монах в запylённом дорожном одеянии, запыхавшийся и едва держащийся на ногах. Лицо его было бледным и напуганным.

– Прости, владыка, что потревожил твой покой, но я скакал всю ночь, без передышки... – он сглотнул, подбирая слова. – Аббат Ионас... он убит, владыка!

Ульрих фон Пфэфферхардт

Епископ медленно поднялся со стула, почувствовав, как кровь отхлынула от лица. Он опёрся на край стола, чтобы удержать равновесие. Тишина повисла в келье, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием монаха и треском свечи.

– Что ты сказал? – тихо переспросил Ульрих, и голос его прозвучал глухо, словно из колодца. – Повтори!

– Аббат мёртв, ваше преосвященство! Убит! Двое монахов из аббатства Святого Августина, отец Бенедикт и молодой брат Иероним, совершили страшное злодеяние! Они убили брата Рафаэля и брата Гунтера, а потом... – голос монаха дрогнул. – Потом они похитили Ионаса. Мы нашли его тело на старом холме... повешенное на дубе, с языческими знаками на камнях, написанными кровью...

Ульрих замер, поражённый ужасом. Ионас был не просто аббатом – это был его близкий друг, верный сторонник и надежда всей епархии. Перед глазами пронеслись воспоминания из далёкой молодости: он и Ионас, ещё юные послушники, мечтавшие очистить мир от греховности и пороков. И теперь этот человек, который был для него ближе брата, убит – да ещё и принесён в жертву языческим демонам!

Епископа охватил слепой гнев, который на миг затмил даже боль в суставах. Он почувствовал себя вновь сильным и властным, каким не ощущал себя уже много лет.

– Иди, – тихо проговорил он монаху. – Ступай отдыхать. Ты исполнил свой долг.

Когда дверь за монахом закрылась, Ульрих сел на стул и сжал ладонями виски, пытаясь собраться с мыслями. В его душе бушевала ярость, смешанная с глубоким, болезненным горем. Его оскорбили лично, посягнули на святую Церковь, убили человека, который был частью его души. Такой вызов не мог остаться безнаказанным. Но этих убийц найти будет нелегко, и он понял это сразу.

Через несколько минут он медленно поднялся и позвал слугу:

– Приведи ко мне фогта. Немедленно!

Фогт Гюнтер фон Штайн, городской судья и наместник, вскоре появился перед епископом. Это был человек крепкий, дородный, с пышными рыжими усами и небрежно застёгнутым поясом. Он явно только что проснулся и был раздосадован столь поздним вызовом.

– Ваше преосвященство, – фогт поклонился, но не слишком почтительно. – Что случилось? Зачем вы поняли меня с постели в такой час?

– Свершилось чудовищное злодеяние, – медленно начал епископ. Голос его звучал глухо и жёстко, как скрип цепей. – Аббат Ионас убит. Убийцы скрылись. Ты отправишься на поиски немедленно.

Гюнтер широко раскрыл глаза:

– Убит? Ионас? Кто осмелился?

– Брат Иероним и отец Бенедикт, монахи из аббатства Святого Августина. Они впали в ересь, совершили убийство и сбежали. Собери людей, собак, найдите их немедленно. Верните их живыми или мёртвыми. Я не потерплю, чтобы в моих владениях безнаказанно убивали верных слуг Господа.

Фогт вздохнул с заметным раздражением:

– Ваше преосвященство, с тех пор как пришла чума, в моих владениях и без того хватает забот. Неужели стоит бросать все дела ради двух беглых монахов? Сами знаете, старый Ионас давно перестал понимать, что творит. Зачем он вздумал сжигать ведьму – мать молодого монашка? Сам напросился, простите за дерзость.

Епископ впился в него ледяным взглядом, от которого фогт невольно отступил на шаг назад:

– Ты слишком много болтаешь, фон Штайн. Я дал тебе приказ. Это не обсуждается.

Фогт коротко поклонился и молча вышел, хлопнув дверью громче, чем следовало. Спускаясь вниз по лестнице, он сжимал кулаки от злости, бормоча ругательства себе под нос. Но уже через несколько шагов раздражение начало таять, сменяясь возбуждением охотника, почуявшего добычу. Гюнтер почувствовал, как в груди загорается огонь азарта. Он давно не испытывал такого чувства. Настоящая охота всегда возбуждала его, а охота на человека была самым сладким испытанием его мастерства.

Он вышел во двор замка и громко крикнул:

– Поднимайте людей! Выпускайте собак! Сегодня мы отправляемся на охоту!

Его громкий, уверенный голос разнёсся над спящим двором, заставляя слуг суетливо бегать и готовиться. Гюнтер фон Штайн почувствовал себя по-настоящему живым, предвкушая долгую и захватывающую погоню.

Глава 2. Решение епископа

Ульрих фон Пфедферхардт медленно расхаживал по своему кабинету, сложив руки за спиной. Его шаги по каменному полу глухо отдавались в высоких сводах, и казалось, что каждый удар каблука был подобен удару молота по его больным суставам. В кресле возле письменного стола сидел секретарь епископа, нервно сжимая гусиное перо и в ужасе следя за каждым движением господина.

– Записывай, – сухо произнёс епископ, остановившись перед окном и устремив взгляд на покрытые туманом улицы Констанца. Секретарь поспешно придвинул пергамент и застыл в ожидании.

– Епископ Ульрих, Божьей милостью епископ Констанца, достопочтенному брату во Христе, милостью Божией почтенному Иоганну II, епископу Базельскому... – начал диктовать Ульрих.

– Мир Вам и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа. С великой скорбью и глубокой болью сердца нашего вынуждены мы обратиться к вам, достопочтенный брат наш, дабы предупредить о великом злодеянии и ереси, совершённых в пределах нашей епархии.

Недавно вверенная нам паства аббатства Святого Августина близ селения Штайнвальд подверглась тяжелейшему преступлению. Аббат Ионас, достойнейший служитель Господень и брат наш возлюбленный, зверски был умерщвлён двумя злодеями, кои ранее именовались монахами сего же аббатства. Упомянутые злодеи ныне находятся в бегах и, более того, подозреваются в скверных и еретических деяниях, связанных с языческим колдовством и служением нечестивым силам.

Имена беглых преступников суть следующие:

– Бенедикт, монах преклонных лет, огромного роста и крепкого телосложения, совершенно лысый, с большой неопрятной седой бородой, взглядом суровым и осанкой грозной, наделённый силой неестественной, ибо был ранее воином;

– Иероним, молодой монах, телосложения крепкого, лицом привлекательный, волосы каштановые, глаза тёмные, движения быстрые и ловкие; разумом остёр и языком сладкоречив.

Настоятельно просим Вас, брат наш возлюбленный, проявить бдительность в пределах Вашей епархии. Если упомянутые преступники будут обнаружены или замечены в Ваших пределах, немедленно задержите их и препроводите под надежной охраной к нам в Констанц – или известите нас, дабы мы могли отправить надёжных людей, которые доставят их пред лицо правосудия.

Ибо злодеяние их – мерзость в очах Божиих, а дерзость и нечестие их посягает на мир и порядок, установленные самой Святой Матерью Церковью.

Со своей стороны, достопочтенный брат наш, обещаем вам ответную помощь и поддержку в любом деле и в любое время, когда это потребуется Вам.

Пусть же пребудут с Вами и Вашей паствой мир и благодать Господа нашего Иисуса Христа, и да пребудете Вы под защитой Святой Девы Марии и всех Святых.

Дано в Констанце, в день святого Вита, лета Господня тысяча триста сорок седьмого.

Закончив диктовать, епископ раздражённо махнул рукой:

– Приготовь такие же послания епископам в Аугсбург, Страсбург, Кур, Лозанну, Майнц, Вормс, Шпайер, Кёльн, Трир, Пассау, Прагу и Оломоуц. И отправь копии в ганзейские города – Гамбург, Бремен и Любек. Пусть все знают, что я не потерплю ереси в моих владениях.

Секретарь поклонился и быстро удалился, тихо притворив за собой дверь. Ульрих остался в одиночестве, глядя в серый, мёртвый туман. В глубине души он понимал, что письма – лишь пустая формальность. Беглецы, особенно такой хитрый и опытный человек, как Бенедикт, могли легко сменить внешность и выдать себя хоть за купцов, хоть за рыцаря

с оруженосцем. Он не верил и в успех фогта: грубая сила Гюнтера была хороша в открытом поле, но эти преступники были хитры и коварны.

Нужен был кто-то ещё – тот, кто не связан христианскими условностями, кто сумеет выслеживать добычу, как волк, и идти по следу, пока не достигнет свою жертву.

Он вновь подошёл к двери и сурово произнёс:

– Позовите ко мне старейшину еврейской общины.

Епископ и Меир бен Элиезер

Меир бен Элиезер, первый старейшина констанцских евреев, вошёл в кабинет епископа тихо и осторожно, словно опасаясь потревожить чей-то покой. Это был человек лет шестидесяти, худощавый, с аккуратно подстриженной седой бородой и живыми, умными глазами, в которых сейчас читался плохо скрываемый страх.

Епископ долго смотрел на него, едва скрывая ненависть и презрение.

– Скажи-ка мне, Меир, – произнёс наконец Ульрих, подчёркнуто растягивая слова, – дошли ли до твоих ушей вести о страшном злодеянии в аббатстве Святого Августина?

– Ваше преосвященство, разве можно не слышать того, о чём нынче шепчется весь город? – тихо, с подчёркнутой вежливостью ответил старый еврей. – Люди говорят разное, но кто я такой, чтобы знать, правда это или вымысел?

– Кто ты такой? – губы епископа дрогнули в едва заметной усмешке. – Ты старейшина тех, кого сейчас вся округа считает отравителями колодцев. Ты предводитель народа, который ненавидят все вокруг и который спасает лишь моя добрая воля. Вот кто ты такой, Меир.

Старик слегка сжался и тяжело вздохнул:

– Мы мирные люди, ваше преосвященство. И вы же знаете, мы ничего не делаем против тех, среди кого живём. Мы боимся Господа не меньше вашего.

– Вы боитесь Господа? – резко оборвал его Ульрих, сделав шаг вперёд. – Если вы действительно боитесь Господа, то принесите мне головы тех двух проклятых еретиков, которые убили аббата Ионаса. Их головы, Меир! Или гнев Господень будет для вас последней из забот.

– Ваше преосвященство, – еврей с горечью развёл руками, – мы торговцы, лекари, портные. Как же нам искать убийц, тем более таких опасных людей?

Епископ наклонился ещё ближе, голос его прозвучал тихо и проникновенно, словно змеиное шипение:

– Тебе не нужно искать отговорки, Меир. Я ведь не угрожаю тебе. Я даже пальцем не пошевелю, чтобы причинить твоим людям вред. – Ульрих выпрямился и отступил на шаг, холодно усмехнувшись. – Но я также не пошевелю пальцем, чтобы защитить вас от ярости толпы. Вокруг чума, и людям нужно кого-то винить. Если вы не принесёте мне эти две головы, я просто отвернусь и посмотрю в другую сторону. А толпа сделает остальное.

Старик побледнел, и руки его слегка задрожали:

– Я отправлю своего сына на поиски, ваше преосвященство. Если кто и может найти этих преступников, то только он. Ему ведомо то, чего не знают другие. Он читает лес, как раввин читает Тору. Но... как же он пойдёт в таком виде? Дозвольте ему хотя бы принять образ христианина. Иначе его остановят на первом же постоялом дворе.

Епископ взмахнул рукой, словно отгоняя надоедливую муху:

– Хоть самого себя отправляй, хоть всю свою семью переодень, мне нет до этого дела. Пусть он хоть крест на шею повесит и целует его перед каждым встреченным псом. Я хочу видеть только одно – головы этих мерзавцев здесь, у моих ног. И да поможет тебе твой Бог, Меир, если их здесь не будет.

Старейшина снова низко поклонился и попятился к выходу, тихо произнеся на прощание:

– Да хранит вас Господь, ваше преосвященство...

– Вон отсюда! – холодно оборвал его епископ и отвернулся к окну.

На следующее утро кафедральный собор Констанца был переполнен народом. Дворяне и ремесленники, купцы и крестьяне – все собрались, чтобы увидеть, как епископ Ульрих фон Пфедферхардт публично предаст анафеме еретиков, виновных в убийстве аббата Ионаса.

Епископ стоял на возвышении перед алтарём, облачённый в пурпурную мантию и белоснежную митру. Голос его звучал мощно и строго, эхом отражаясь от высоких сводов собора. Народ затаил дыхание, слушая страшные слова анафемы.

– Да будет ведомо всем и каждому, кто ныне слышит слово наше! По воле Господа и властию, данной мне Святой Матерью Церковью, предаю я вечному проклятию и отлучению от лика Христова двух сынов погибели, двух змиев лукавых и чад диавола – беглых монахов Бенедикта и Иеронима!

Ибо преступления их тяжки и мерзостны перед лицом Божиим и людским! Предали они души свои нечистым силам и совершили кровавое злодеяние, убив слугу Господа и верного сына Церкви, аббата Ионаса, и братьев наших Рафаэля и Гунтера! Осквернили они святую землю языческими знаками и мерзостями сатанинскими!

Да не найдут они ни убежища, ни укрытия, ни помощи среди людей! Отныне и навеки объявляю их вне закона Божьего и человеческого! Каждый, кто встретит их на своём пути, да будет вправе лишить их жизни, и рука эта будет благословенна, ибо исполнит волю Господа и долг перед Церковью!

А кто дерзнёт укрыть их, накормить, напоить, дать пристанище или любую помощь оказать, тот да будет проклят перед ликом Христа и Его Святых, да будет отлучён от общения со святой Церковью и навеки обречён на муки ада вместе с ними!

Пусть тела этих злодеев не примет земля, пусть души их никогда не узрят Света Божьего, пусть им не будет покоя ни в жизни, ни после смерти!

Анафема! Анафема! Анафема!

Когда последние слова проклятия стихли в воздухе, ударил колокол, раздался мрачный звон, разносивший по городу грозное предупреждение: преступники обречены, и милости им не будет ни в этом мире, ни в ином.

Глава 3. Давид бен Меир

В маленькой тёмной комнате под самой крышей старого дома сидел Давид бен Меир, сын старейшины констанцских иудеев. Это был человек лет тридцати, высокого роста, сухой и жилистый, с тёмными, слегка вьющимися волосами и острым, пронизательным взглядом. Он сидел неподвижно, закрыв глаза, дыхание его было ровным и глубоким.

Давид находился далеко не здесь, не в этой маленькой комнате, и даже не в Констанце. Он путешествовал по бескрайнему пространству своего внутреннего мира, медленно поднимаясь по Древу Сефирот, направляясь в сефиру Гебура – место сурового и беспристрастного суда, где можно увидеть свою жизнь глазами уже умершего человека. Эта практика помогала ему понять, что в его жизни было истинно важно, а что – лишь пустая суета.

Внезапный скрип двери вывел его из состояния глубокого созерцания.

Давид бен Меир

Давид открыл глаза и увидел отца – старого Меира – стоявшего в дверях, сутулого и бледного, точно он постарел за один день на десять лет.

– Давид, прости, я не хотел мешать тебе... но... обстоятельства требуют твоего внимания, – сказал Меир осторожно и тяжело вздохнул.

Давид поднялся с места и пригласил отца жестом присесть рядом с ним.

– Что стряслось, отец? Ты выглядишь, будто сегодня Йом-Киппур.

– Если бы только Йом-Киппур, Давид. Сегодня весь наш народ стоит на краю гибели, и нам нужен чудесный исход, иначе нас всех постигнет судьба Содома и Гоморры. Аббат Ионас убит, ещё двое монахов мертвы. Епископ в ярости, и теперь ему требуются головы убийц.

– А нам какое до этого дело? – спросил Давид, нахмурившись.

– Нам – самое прямое, сын мой. Говорят, будто мы травим колодцы, а убийство аббата и вовсе приписывают нашей общине. Епископ потребовал, чтобы именно мы нашли и казнили преступников.

– Он хочет, чтобы мы стали палачами? – гневно воскликнул Давид. – Я не пёс епископа, отец! Я вышел из утробы матери не для того, чтобы выслеживать тех, кто сбился с пути. Я сам ишу путь!

– Разве я не знаю этого? Разве не я сам учил тебя искать пути в мудрости и любви? – вздохнул Меир, грустно качая головой. – Но, сын мой, если мы не сделаем этого, через год в Констанце не останется ни одного живого иудея. Христиане ищут повод для погрома, а епископ не пошевелит и пальцем, чтобы остановить их. Или головы убийц у него на столе, или смерть для всех нас. Так он сказал.

Давид поднялся и тяжело зашагал по комнате:

– Ты понимаешь, что просишь меня отнять жизни тех, кто, возможно, был прав? Я слышал, что аббат Ионас сжёг живую женщину! Разве не заслужил он смерти?

– Заслужил или нет – Бог ему судья, Давид, но епископ судит нас. – Меир тяжело вздохнул и положил руку на плечо сыну. – Не ради епископа прошу, не ради аббата. Ради стариков и детей нашей общины прошу, ради твоей невесты Ханны прошу. Сделай это для них, Давид, ибо никто другой этого не сделает.

Давид замолчал и стоял долго, словно окаменев. Затем, с глубоким вздохом, кивнул:

– Ради нашего народа и ради тебя, отец. Пусть Всевышний простит меня за это.

Сказав это, он накинул плащ и направился в дом своей невесты, Ханны.

Дом Менахема, отца Ханны, стоял на тихой узкой улице в еврейском квартале. Менахем был торговцем тканями, человеком уважаемым и состоятельным. Он сидел у очага, перебирая молитвенные четки, когда Давид переступил порог.

– Шалом, сын Меира, – произнёс Менахем, всматриваясь в лицо Давида. – Что привело тебя в наш дом в столь поздний час? Ты выглядишь встревоженным.

Ханна

Ханна сидела рядом с отцом, склонив голову над вышивкой. При виде её сердце Давида болезненно сжалось. Свет от очага играл в её тёмных волосах, свободно падавших на плечи,

отчего лицо её казалось ещё нежнее и тоньше, чем обычно. Он смотрел на её руки, изящные и ловкие, умело управлявшиеся с иглой. Давиду вдруг мучительно захотелось, чтобы время остановилось, и он мог бы вечно смотреть, как движутся её пальцы. Ханна подняла взгляд, и её глубокие карие глаза встретились с его глазами. В них Давид прочёл тревогу, нежность и вопрос, который она не решалась произнести вслух.

– Шалом, Менахем, шалом, Ханна, – Давид глубоко поклонился и вздохнул, словно собирая все свои силы перед трудным разговором. – Если бы мог, я никогда не принёс бы эти новости в твой дом. Но жизнь такова, что мы не выбираем время и обстоятельства.

Менахем отложил четки, подался вперёд и с тревогой взглянул на Давида:

– Говори, мальчик мой. От твоих слов веет холодом, и сердце моё уже чувствует горечь, что стоит за ними.

Давид сел напротив, сложил руки на коленях и подробно рассказал всё, что произошло в аббатстве Святого Августина, о ярости епископа, его требованиях, а также об угрозе, нависшей над всей общиной.

Менахем слушал молча, но его лицо становилось всё мрачнее и мрачнее. Когда Давид закончил, он долго молчал, медленно качая головой, будто не веря услышанному:

– Велика беда наша, Давид! Разве мало страданий пережил народ Израиля, чтобы теперь вновь быть на краю гибели? Я надеялся, что хотя бы моя дочь и её дети не узнают ужаса погромов, который пережил я в молодые годы. Но, видно, судьба наша – вечный исход из одного несчастья к другому.

Ханна, побледневшая и напряжённая, спросила едва слышным голосом:

– Давид, а нет ли иного выхода? Неужели ты обязан пачкать руки в крови, чтобы нас пощадили?

Давид посмотрел на неё с глубокой печалью и нежностью:

– Если бы был другой путь, Ханна, неужели думаешь, я бы выбрал этот? Я не гончий пёс епископа и не охотник за головами, я не стремлюсь проливать кровь. Но если я не сделаю этого...

Менахем поднял руку, словно останавливая их спор, и тихо проговорил:

– Допустим, ты прав, Давид. Но что тогда делать нам? Если ты уйдёшь, кто защитит Ханну и остальных?

Давид помолчал и ответил уверенно:

– Уезжайте в Страсбург, Менахем. Город большой и богатый, там наша община сильна. Говорят, тамошний магистрат защищает сынов Израиля. Там есть родичи твоей жены, там уважают твоё имя. Уезжайте прямо завтра или в ближайшие дни.

– Страсбург? – задумался Менахем. – Верно говоришь, Давид. Там наш народ процветает. Говорят, даже власти там благоразумны и не дают толпе творить бесчинства. Да и мои родственники – надёжные люди. Ты хорошо рассудил.

Ханна подняла глаза, в которых стояли слёзы.

Менахем посмотрел на дочь, медленно поднялся и мягко сказал:

– Я пойду, дети мои. Сердцу отца тяжело видеть расставание влюблённых, ибо что я могу дать вам в утешение, кроме молитвы?

Он вышел тихо, затворив дверь, и комната погрузилась в тишину.

Ханна подошла ближе к Давиду, глядя в его глаза, словно пытаясь запечатлеть каждую черту его лица:

– Давид, разве мы заслужили такую судьбу? Разве любить и быть счастливыми – преступление перед Всевышним?

Он осторожно коснулся её щеки, словно боясь причинить боль:

– Ханна, душа моя, не вини небо в наших бедах. Это не небеса посылают нам страдания, а люди. Мы лишь должны выстоять перед испытаниями и сохранить верность друг другу.

– Но, Давид, – её голос сорвался на шёпот, – а если ты не вернёшься? Как мне жить, не зная, жив ты или мёртв?

– Я не умру, Ханна, – твёрдо сказал он, прижав её руку к груди. – Я не умру, – повторил он, – потому что живу не ради себя. Я не могу подвести тебя и не могу подвести наш народ. Верь мне, я вернусь!

Она вынула из рукава тонкую шерстяную ленту синего цвета, которую долго и бережно хранила для их свадьбы, и осторожно завязала её на его запястье:

– Это – знак моей верности. Я соткала её, вложив все мои надежды, чтобы мы были вместе, Давид. Я окрасила её в синий, потому что синий – цвет Завета. Цвет неба над Иерусалимом. Я хочу, чтобы, где бы ты ни был, ты знал: я помню, я молюсь и жду. Пусть эта лента будет твоей цицит в пустыне между добром и злом. Пусть она станет тебе защитой и вернёт тебя ко мне целым и невредимым.

Давид осторожно коснулся ленты и кивнул:

– Обещаю тебе, Ханна, я вернусь. Даже если придётся пройти через ад, я вернусь, чтобы позаботиться о тебе.

Она сделала шаг вперёд и впервые нарушила все условности, мягко и нежно поцеловав его в губы:

– Пусть Всевышний услышит твои слова, Давид. И пусть вернёт тебя живым.

Давид медленно отступил к двери, сердце его сжималось от боли, но лицо оставалось спокойным.

– Молись за меня, Ханна, ибо молитва любящей женщины способна изменить даже очень злую судьбу.

Он вышел в ночную тьму, а Ханна осталась стоять посреди комнаты, сдерживая слёзы и тихо шепча молитву вслед уходящему любимому человеку, которого, возможно, видела в последний раз.

Глава 4. Переправа и разбойники

Долго шли мы с отцом Бенедиктом по руслу узкого ручья, чтобы сбить со следа возможных преследователей и их собак. Холодная вода обжигала ступни, камни ранили их, но мы терпели и не сходили на берег до самой ночи. И лишь когда наступила темнота, мы улеглись прямо на земле, не зажигая огня, и заснули, сжавшись под плащами.

На следующий день мы вышли к Рейну. Здесь река была быстра и широка, шагов сто или даже более. Южный берег, на котором мы стояли, вздымался над водой высоким и обрывистым склоном. Старые ивы, будто скорбя, опускали свои тяжёлые ветви к самой воде. Выше росли величественные буки, их густые кроны переплетались, скрывая небо. Изредка виднелись дубы, могучие и древние, как сама земля.

Северный берег был другим – ровным и низким, покрытым травой и кустарником. Он казался спокойнее и приветливее, но я чувствовал, что спокойствие это лживо, а мягкая трава скрывает сырую болотную грязь.

Мы не медлили. Собрав валежник, связали два небольших плотика, на которые сложили вещи. Затем разделись, завязав одежду и оружие покрепче, и вошли в воду. Рейн обжог холодом, мгновенно выдавливая воздух из груди. Но я справился с собой и начал дышать ровно и глубоко. Через минуту-другую я почувствовал, как моё тело цепенеет, но продолжал плыть, толкая перед собой плот.

Вскоре я выбился из сил. Течение подхватило меня и отнесло далеко вниз по реке, пока наконец я не выбрался на низкий берег, весь дрожа от холода. Бенедикта нигде не было видно – должно быть, он выплыл на берег гораздо раньше меня.

Едва я успел вытащить из воды свой плотик и развязать одежду, как услышал тихий шорох шагов позади. Я резко обернулся, прижимая к груди свои вещи. Из-за кустов вышли трое.

Иероним и разбойники

Первый был высоким и худым, с узким, хищным лицом. Его кривой нос, казалось, не раз ломали, на подбородке зиял глубокий шрам, а в длинных тонких пальцах он вертел блестящий нож. Одет он был в тёмный кожаный кафтан, запятнанный кровью и грязью. Как я потом узнал, его звали Нагель.

Рядом стоял второй, низкорослый и толстый, с лицом, покрытым красными пятнами, и глазами, которые бегали беспокойно, как у напуганной крысы. Он гнусно ухмылялся, обнажая гнилые жёлтые зубы. Он был одет в грязную рубаху, поверх которой болталась овчинная безрукавка. Подельники называли его Фратце.

Третий, самый страшный, был низок и широк, с мертвенно-бледной кожей и тёмными кругами под глазами. Всклопоченные волосы, грязные и слипшиеся, придавали ему сходство с ожившим покойником. Его взгляд был пустым и тревожным, как у палача. Звали его Трупный Ганс.

– Глянь-ка, Фратце, – голос Нагеля звучал сухо и едко. Он медленно приближался ко мне, лениво крутя в пальцах острый нож. – Похоже, сама река решила нас сегодня угостить. Чистый, гладкий, прямо как с картинки. Интересно, кто это к нам пожаловал такой голенький, а?

Фратце хрипло рассмеялся, почесав покрытую язвами щёку и наклоняясь вперёд, будто рассматривая меня поближе. Его маленькие глазки бегали по моему телу, словно выбирая лучшее место, откуда отрезать первый кусок мяса.

– Ох, Нагель, да ты погляди только, какая белая кожа у нашего гостя. Будто и не человек, а поросёночек праздничный, которого на Шлахфест готовят. Ты думаешь, он на вкус такой же нежный, как выглядит? Мне кажется, давно я не ел кого-то такого молодого и сладенького.

Нагель оскалится в мерзкой улыбке, медленно и с явным удовольствием поглаживая лезвие ножа большим пальцем:

– Ты, Фратце, и правда давно не ел ничего кроме гнилой требухи и той старухи, что еле двигалась. Ты уже забыл, как выглядит хорошая еда? А это тебе не костлявые бабы с дороги и не жёсткие бродяги с мясом, как подошва. Этот, видать, молод, и мякоть у него сочная.

Фратце снова захихикал, от этого смеха меня затошнило. Он шагнул ближе и почти ласково, облизывая потрескавшиеся губы, произнёс:

– Да, Нагель, как гляжу я на него, даже слюнки текут. Сдается мне, лучше сперва позабыться с таким красавчиком. Жалко сразу сожрать такую прелесть. А потом, глядишь, и на вертел его – на костёр, с травками. Только не пересушить, чтоб сок не ушёл. А то будет, как в тот раз, помнишь, когда мы зажарили монаха?

Нагель кивнул с почти нежной улыбкой:

– Помню, помню, Фратце. Монах был сух и невкусен. Жилистый гад оказался. А вот мальчишки, да ещё такие гладкие, как этот, – совсем другое дело. Мягкое мясо, как у козлёнка. Вкусный, наверное...

Оба разбойника громко и мерзко рассмеялись, а я едва удерживал свой желудок от того, чтобы не выплеснуть наружу всё, что в нём было.

Они медленно подходили ближе, и я с ужасом заметил, что Трупный Ганс что-то жуёт. Присмотревшись, я чуть не потерял сознание – в его бледных пальцах была детская кисть, наполовину обглоданная. Желудок мой судорожно сжался, к горлу подступила желчь.

Но отец Бенедикт давно отучил меня медлить, когда от этого зависит жизнь. Выхватив нож из узла с одеждой, я кинулся вперёд, изо всех сил вонзив клинок прямо в грудь ближайшего из них – Трупного Ганса. Он выронил ужасную пищу и крепко обхватил меня своими холодными руками, словно тисками. Я бил его ножом снова и снова, чувствуя, как горячая кровь льётся на мои руки, пока резкий удар по затылку не погрузил меня во тьму.

Когда сознание вернулось, я оказался привязанным к дереву. Голова страшно болела, кровь сочилась по лицу. На земле лежал Трупный Ганс, тяжело хрипя и плюясь кровью.

– Э, Ганс, – протянул Нагель, склонившись над умирающим людоедом и с насмешкой в голосе, – дыр в тебе наделали, что в моей старой шапке. Долго тебе не протянуть. Может, тебя первым пустим на жаркое, а? Мясо есть мясо, жалко, если пропадёт...

Ганс закашлялся кровью, лицо его побелело до ужасающей синевы, он цеплялся за жизнь, словно тонущий за соломинку:

– Погодите, братцы! Вы что, с ума посходили? У меня в лесу ухоронка, полная серебра! Полновесного, чистого серебра! Я собирал его три года! Три года собирал, вам хватит на целую жизнь. Заберите его, только помогите, я ещё выживу...

Фратце недоверчиво покачал головой и брезгливо ткнул сапогом в грудь Ганса. Тот болезненно вздрогнул и застонал.

– Эй, Ганс, не держи нас за дураков. С такими ранами, как у тебя, никому не выжить. Скажи уж лучше, где твое серебро спрятано, и мы быстро тебя прирежем, чтоб не мучился. По-дружески, без злости.

Ганс замотал головой, отчаянно выплёвывая кровавую пену, его глаза были полны ужаса и ненависти:

– Нет уж, гады проклятые! Сначала помогите! Вытащите меня! Перевяжите! Я вам серебро отдам. Если не хотите помочь – так и сдохну вместе с тайной, никому ничего не достанется!

Нагель присел рядом на корточки и спокойно улыбнулся Гансу, как улыбаются ребенку, который не понял простого урока:

– Слушай сюда, старина Ганс. Ты думаешь, мы тебе поверим? Ты умрёшь раньше, чем мы сделаем три шага к твоей ухоронке. Но серебро нам и правда пригодилось бы, коли ты его не выдумал. Подумай, может быть, лучше всё-таки сказать, где оно лежит? Мы хотя бы похороним тебя по-людски... ну, кости точно похороним, которые останутся... да и имя твоё помянем добрым словом, когда пропивать твое серебро будем.

Ганс закрыл глаза, шумно выдохнул и закашлялся снова:

– Шиш вам, ублюдки! Или мясо, или серебро, выбирайте...

Фратце посмотрел на Нагеля и пожал плечами, оскалившись:

– Ну что ж, Нагель, похоже, Ганс совсем спятил перед смертью. Давай-ка подождём чуть-чуть, когда он отъедет, а потом мяско на огонь, зажарим его, да и забудем про его сокровища.

Нагель грустно вздохнул, как бы соглашаясь с неизбежным:

– Да, Ганс, неразумно ты поступаешь. Сдохнешь в муках – и всё зря, серебро-то пропадёт. Ну да ладно. И правда: или мясо, или серебро. Твой выбор...

В этот момент за спиной разбойников бесшумно появился отец Бенедикт. В руке он держал свой короткий меч, испещрённый древними рунами, знакомый мне ещё по аббатству.

Нагель и Фратце мгновенно разошлись в стороны, атакуя с двух сторон одновременно: Нагель ловко бросился с ножом, Фратце – тяжело и яростно, с огромной дубиной в руке.

Но отец Бенедикт был спокоен и быстр. Одним плавным движением он шагнул вперёд, уклонившись от дубины, а меч его описал короткую смертоносную дугу, вспоров грудь Фратце. Разбойник упал на землю с тихим хрипом.

Нагель рванулся вперёд, нож его сверкнул, целя в шею Бенедикта, но тот лишь повернул запястье, и меч пронзил Нагеля насквозь. Разбойник замер с широко раскрытыми глазами, словно не понимая, как смерть могла его настичь.

Потом отец Бенедикт неторопливо подошёл к Трупному Гансу, глядя на него с холодным презрением.

– Проклятый мертвяк, – пробормотал Бенедикт без эмоций и одним движением пригвоздил его к земле.

Он аккуратно вытер клинок, разрезал верёвки на моих руках и помог подняться.

– Да, – спокойно сказал он. – Надо тебя учить драться. А то боец из тебя...

Меня шатало, голова кружилась. Холод пронизывал насквозь. Я быстро оделся, стуча зубами. Мы похоронили останки бедной девочки, которой кормились людоеды (меня рвало, а Бенедикт оставался бесстрастен), и ушли в северные холмы, не оглядываясь на безжизненные тела разбойников. Впереди был лес Шварцвальд, мрачный и молчаливый, и мы знали, что путь наш будет ещё труднее.

Глава 5. Следствие Гюнтера фон Штайна

Брат Хартмунд сидел в кабинете покойного аббата Ионаса. В просторной комнате витал тяжёлый запах старой бумаги и чернил, смешанный с тонким ароматом свечного воска и ладана. Сквозь узкие окна пробивался тусклый дневной свет, отражаясь в завитках пыли и освещая пергаменты, разбросанные по столу. Перед монахом лежал странный свиток, который брат Хартмунд недавно обнаружил в келье сбежавшего отца Бенедикта. На старом пергаменте красивым, но резким почерком были записаны тревожные слова:

«Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьём, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых».

И чуть ниже:

«Никто не питал, никто не поил меня, взирал я на землю, поднял я руны, стеная их поднял – и с древа рухнул».

Хартмунд, еще крепкий старик лет шестидесяти, худой, высокий и прямой, с пронзительными светлыми глазами и аккуратно подстриженной седой бородой, задумчиво провёл тонкими пальцами по этим странным строкам. Монастырский летописец и хранитель библиотеки, он с юности любил старые тексты, находя в них особую мудрость и красоту. Но сейчас древние строки тревожили его сердце, намекая на страшное и непостижимое. Хартмунд понимал, что убийство Ионаса было не случайным – скорее всего, это была жертва Одину. И, возможно, благодаря этому страшному деянию чума вдруг покинула монастырь, прекратила убивать и мучить людей. По крайней мере, эти события легко увязывались между собой в логическую цепь, но принять эту логику было непросто. Сомнения истерзали его душу, и он тяжело вздохнул.

Брат Хартмунд и фогт Гюнтер фон Штайн

Размышления старого монаха были прерваны громким топотом и резкими голосами во дворе. Дверь кабинета распахнулась, и внутрь ворвался высокий и дородный мужчина

в кольчуге и чёрном плаще – фогт Гюнтер фон Штайн. Его широкое лицо с густыми рыжими усами было красным от гнева, а серые глаза сверкали жёстко и безжалостно.

– Ты главный здесь? – грубо спросил фогт, смерив старого монаха презрительным взглядом.

Хартмунд, медленно подняв голову, спокойно ответил:

– Сейчас, по воле Божьей, да. Моё имя – брат Хартмунд.

Фогт, не здороваясь, бросил на стол свиток с красной епископской печатью и жёстко произнёс:

– Это приказ епископа Ульриха. Читать умеешь, монах?

Хартмунд спокойно взял свиток и прочёл:

«Повелеваю всем, кто верен Господу и Святой Матери Церкви, оказывать полное и немедленное содействие моему представителю, благородному Гюнтеру фон Штайну, фогту города Констанца, в расследовании ужасных злодеяний в аббатстве Святого Августина. Всякое непослушание будет расценено как предательство веры и Святой Церкви. Ульрих, епископ Констанцкий».

Хартмунд сложил свиток и кивнул:

– Я отвечу на твои вопросы, господин фогт, но только при одном условии: я буду сопровождать тебя во всех твоих поисках в стенах монастыря и за его пределами.

Фогт нахмурился и нехотя согласился:

– Хорошо, будь рядом, только не мешайся под ногами. А теперь отвечай: кто такие эти беглые монахи? И почему вы так быстро похоронили убитых?

И Хартмунд сдержанно, но подробно рассказал о Бенедикте и Иерониме. О том, как первый был мудрым и авторитетным старцем, второй – любознательным и добрым юношей. Объяснил, что убитых похоронили быстро, ибо мёртвым не место среди живых, особенно в дни эпидемии.

Фогт слушал, не скрывая раздражения, а затем приказал привести собак. Им дали понюхать старые рясы беглецов, и вскоре весь отряд отправился к тому злополучному дубу, на котором нашли тело аббата Ионаса.

Место было тихим и мрачным: огромный дуб с раскидистыми ветвями, почерневший от крови сейд, запах смерти, ещё не рассеявшийся в воздухе. Собаки нервно тянули поводки, но затем уверенно взяли след, который привёл их к небольшой хижине Бенедикта на краю болот. Внутри было пусто, пахло травами и сырым деревом. Отсюда след беглецов вёл на запад, к ручью, где полностью затерялся.

Фогт отправил нескольких солдат с собаками вдоль ручья, а сам вместе с Хартмундом и остальными отправился верхом в Штайнвальд. Они въехали в деревню к полудню, увидев жалкие дома, вросшие в землю, и бледные лица жителей, с опаской смотревших на вооружённых всадников.

Старый священник Ансельм, ещё недавно умиравший от чумы, теперь уже мог сидеть на пороге своего дома и тихо молиться. Он долго рассказывал фогту об Иерониме, вспоминая, каким любознательным и добрым мальчиком тот был, и как часто он задавал вопросы, на которые у Ансельма не было ответа. С горечью Ансельм вспомнил и о том, что мать Иеронима, травницу Элизабет, сожгли, обвинив в колдовстве, пока он метался в бреду.

– Не совестно ли было Ионасу обвинять её в пришествии чумы, когда именно она варила ему мазь с мятой от почечуя? – печально закончил священник.

Фогт фон Штайн не поверил ни единому его слову и приказал обыскать каждую хижину в деревне, но беглецов не нашли. Тогда он собрал всех жителей и, сверкая глазами, объявил:

– Слушайте внимательно! Бенедикт и Иероним преданы анафеме! Кто укроет их, тот станет врагом Святой Церкви и лично моим! Я сам выпотрошу мерзавца, который осмелится укрыть беглецов!

Люди молчали.

К ночи отряд вернулся в монастырь. Вернулись солдаты с собаками и сообщили, что след потерян полностью.

Фогт вновь допрашивал братию, раздражённый и злой. Монахи растерянно припоминали странности беглецов: их ежедневные купания в ледяной воде и чрезмерную чистоплотность.

Фогт резко обернулся к Хартмунду:

– Ты развёл тут гнездо язычников, старик, под носом у самого аббата?

– Я лишь скромный летописец, – ответил Хартмунд холодно. – Главным здесь был Ионас, а не я.

Разошлись в раздражении. Но утром Хартмунд всё же решил поделиться с фогтом своими мыслями и предположил, что Бенедикт, будучи, вероятно, мастером рун, мог направиться в родные края, на север.

И тогда фогт фон Штайн собрал отряд и отправился к Рейну. Брат Хартмунд, поразмыслив, решил сопроводить его. Было уже позднее утро, солнце стояло высоко, и его лучи резали глаза, отражаясь от полированных шлемов солдат и водной глади широкой реки. Копыта лошадей, поднимая пыль, громко стучали по сухой дороге, и звук этот разносился далеко, пугая птиц и заставляя крестьян поспешно прятаться в домах. Ближе к реке собаки внезапно снова взяли след, который привел их на высокий берег Рейна. Здесь отряд остановился. Широкая река блестела в полуденном свете, её течение было стремительным и мощным. Запах речной воды смешивался с ароматом прибрежных трав и влажного ила. На противоположном берегу тянулись зелёные луга, ближе к реке поросшие высоким камышом и редкими ивами, склонившими ветви к воде.

Фогт фон Штайн долго смотрел на реку, задумчиво теребя кончики своих рыжих усов. Рядом с ним нервно топталась лошадь, чувствуя тревогу хозяина.

– Чёртовы беглецы, – пробормотал фогт, недовольно хмурясь. – Как будто специально выбрали самое гиблое место, чтобы нам усложнить жизнь.

– Господин фогт, ваш приказ? – спросил один из солдат, молодой крепкий парень с испуганным взглядом. – Будем переправляться?

Фогт медленно повернулся и кивнул:

– Да, плывём. Держитесь за гривы крепче, и без паники. Вещи повыше, чтоб сухими остались!

Люди торопливо снимали тяжёлые доспехи, одежду и оружие, увязывали всё в кожаные мешки и крепили к сёдлам лошадей. Первым осторожно вошел в воду сам фогт, тяжело дыша и чувствуя, как ледяная вода охватывает его грудь. Он крепко схватился за гриву своей кобылы и осторожно направил её в поток. Лошадь фыркнула, заколебалась, затем решительно двинулась вперёд, преодолевая течение. Остальные последовали за ним, крича, ругаясь, а порой и отчаянно молясь вслух.

Хартмунд переправлялся последним, с трудом удерживаясь на плаву. «Слишком я стар для этого», – думал он. Ледяная вода обжигала, холод пробирал до костей, но он молча и терпеливо смотрел на противоположный берег, твердя про себя молитву.

Наконец отряд выбрался на илистый берег. Солдаты, дрожа от холода, стали торопливо одеваться. Фогт сурово огляделся вокруг и приказал снова спустить собак.

Те долго кружили, чихая и фыркая от влаги, но вскоре одна из собак громко залаяла и повела людей вниз по течению реки. Шли осторожно, внимательно всматриваясь в заросли кустарника и высокую траву. Через какое-то время раздался резкий, задыхающийся крик одного из солдат:

– Сюда, сюда скорее! Здесь трупы!

Фогт стремительно бросился на голос, раздвигая густой кустарник. Увиденное заставило его застыть на месте. Ужас и омерзение охватили его. Вороны, громко каркая, неохотно

и тяжело разлетались в стороны. Перед ним лежали три обезображенных трупа. Один – жестоко зарубленный, со страшной раной от меча, двое – заколотые точными ударами. Неподдалёку нашли кости и останки, которые явно были человеческими, а в воздухе стоял отвратительный запах разложения.

– Людоеды! – прошептал один из солдат, прикрывая лицо ладонью. – Проклятое место... Фогт фон Штайн наклонился над трупами, внимательно рассматривая раны.

– Здесь поработал опытный боец, – задумчиво произнёс он. – Удары точны, уверенны. Неужели это сделал старый монах?

Хартмунд приблизился к нему, пристально глядя на страшную сцену:

– Отец Бенедикт многое умел, господин фогт, – тихо сказал он. – Он не так прост, как кажется.

Фогт сурово взглянул на старого монаха и приказал продолжать путь. Собаки снова взяли след и повели их дальше, прочь от реки, к северной кромке огромного, мрачного леса – Шварцвальда.

Когда отряд подъехал к опушке, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо кровавыми и оранжевыми красками. Лес стоял перед ними, как живая тёмная стена, от которой веяло холодом, сыростью и неведомой угрозой. Из глубины леса доносились неясные, тревожные звуки: хруст веток, шелест листьев, отдалённое, почти неразличимое уханье совы.

Солдаты замаялись, тревожно переглядываясь. Один из них, самый молодой, тихо произнёс:

– Господин фогт, может быть, лучше подождать до утра? Ночью идти туда – самоубийство.

Гюнтер фон Штайн резко обернулся и мрачно посмотрел на солдата:

– Ты хочешь, чтобы беглецы ушли от нас? Они убили вашего аббата, разве вы забыли?

Он перевёл взгляд на тёмный лес и процедил сквозь зубы:

– Мы идём сейчас. Если кто боится – оставайтесь здесь.

Отряд молча повиновался, входя в густые заросли. Ветви деревьев смыкались над головами, погружая всадников в сырую, угрюмую темноту. Лошади тревожно всхрапывали, переступая ногами по вязкой земле, покрытой толстым слоем мха и опавших листьев. Запах влажного дерева, мха и гниющих растений наполнял воздух, который казался тяжёлым и давящим.

Хартмунд ехал рядом с фогтом, не отрывая глаз от тропы, тихо молясь и стараясь не поддаваться страху, медленно наполнявшему его сердце.

– Всё в руках Господа, – произнёс он, стараясь придать голосу твёрдость. – Только Он решает, что мы здесь встретим.

Фогт не ответил, лишь молча сжал рукоять меча, готовый ко всему, что могло подстеречь их в этой непроглядной лесной тьме.

Глава 6. Под новой личиной

Давид стоял в небольшой комнате под самой крышей, и тусклое предвечернее солнце заливало её мягким, янтарным светом. Перед ним на грубо сколоченном столе лежали ножницы, бритва, новая одежда, тщательно подобранная отцом, и овальное бронзовое зеркало, которое он с опаской отодвинул в сторону, не решаясь пока взглянуть на себя.

Он глубоко вздохнул и взял ножницы. Металлический звук щёлкающих лезвий больно отозвался в его сердце. Каждая прядь бороды, отсекаемая ножницами и падающая на деревянный пол, казалась частью его самого. Он сбрил пейсы, которые всегда гордо носил, чувствуя, как с каждым движением бритвы уходит часть его веры, его сущности. Затем, тяжело дыша, он снял молитвенный талит-катан, отложил его бережно в сторону, коснулся ладонью груди и тихо прошептал мольбу о прощении, обращённую к Богу Израиля.

Ему было нестерпимо стыдно. Казалось, невидимые глаза предков смотрят на него с укоризной из всех тёмных углов комнаты. И всё же он продолжил – сменил свою привычную одежду на тёмную тунику немецкого покроя, кожаный камзол и дорожные сапоги. Поверх накинул тяжёлый плащ, вооружился коротким мечом и кинжалом. На груди висел деревянный крестик, который обжигал его тело, словно раскалённый металл. Он глубоко вздохнул и медленно приблизил зеркало к лицу.

Отражение было словно чужим. Это был не еврей Давид бен Меир, а суровый, опасный человек с пронизательными глазами цвета ночного неба, резкими скулами и жёсткими линиями подбородка. Взгляд был хищным и холодным, словно клинок в руках опытного воина. Давид отвернулся, сердце его бешено стучало.

Затем он медленно сел, прикрыл глаза и ровно задышал, погружаясь глубже в своё сознание, в привычное для него пространство сефиры Есод. Перед его внутренним взором возник образ беглецов. Отца Бенедикта он однажды видел издали на городской улице: огромный монах с широкой грудью и могучими плечами, лысый, с тяжёлым суровым взглядом и седой бородой. Иеронима он не встречал никогда, но легко представил молодого любознательного монаха, взгляд которого был полон сомнений и тревог. Давид мысленно перебрал всё, что знал о них, собирая информацию по крохам, но быстро понял, что здесь логика бессильна, ибо сведений было мало.

Он погрузился глубже, соскользнув в сефиру Нецах – царство осознанных снов, в котором он был как дома. Его дыхание замедлилось, и сон пришёл к нему легко и быстро.

Мир вокруг изменился, распался на мерцающие осколки света, кружащиеся в бесконечном танце. Давид шагнул вперёд и ощутил, как его ноги ступают по песку. Он открыл глаза во сне и увидел вокруг себя странный, пугающий и завораживающий пейзаж.

Перед ним тянулась пустыня, чёрная и мёртвая, а на горизонте поднималась огромная ледяная стена, сверкающая синеватыми отблесками. Стена вздымалась до небес, и на её ледяной поверхности медленно двигались тени, очертаниями напоминавшие гигантские буквы древнееврейского алфавита. Давид шагнул ближе, и перед ним возникла фигура, сотканная из полупрозрачного света.

– Ты кто? – спросил он тихо.

– Я Алеф, – ответила фигура, сверкая и переливаясь серебром. – Начало всего, дыхание Бога. Почему ты пришёл сюда?

– Я ищу беглецов, – ответил Давид, внимательно глядя в ледяную стену, где буквы продолжали извиваться и меняться.

– Тогда иди за мной, – прошелестел голос Алеф.

Они двинулись вперёд, и с каждым шагом чёрный песок под их ногами покрывался ледяным узором. Воздух стал холодным, колючим, полным тревоги и ожидания.

– Смотри, – вдруг сказала буква Алеф, указывая вдаль. – Они уже далеко.

Давид поднял глаза и увидел, как на ледяной стене, далеко в вышине, медленно движутся две фигуры: одна массивная и величественная, вторая тонкая и ловкая. Они карабкались вверх, к холодному северному сиянию, которое образовывало огромную букву Ламед, означавшую стремление к знанию и восхождение.

– Почему они идут туда? – спросил Давид.

– Потому что на севере сокрыт смысл, – шепнул Алеф, – и мудрость, и холодное откровение. Но там царит сила, которая тебе не подвластна.

Давид почувствовал страх. Внезапно фигура Алеф растворилась в воздухе, оставив после себя лишь тихий шепот. Вокруг Давида, словно из ниоткуда, выросли огромные, почти прозрачные деревья, их ветви напоминали руки, простирающиеся вверх в молитве или мольбе.

Давид двинулся вперёд и увидел, как среди этих деревьев стоит старая женщина, укутанная в белый платок. Она что-то тихо пела, раскачиваясь в такт песне.

– Что ты поёшь? – спросил он, приближаясь.

– Я пою песнь изгнанников, – ответила она, подняв лицо, и Давид увидел, что глаза её лишены зрачков и заполнены голубым льдом. – Песнь тех, кто стремится к северу и не может вернуться.

– Почему они не могут вернуться? – спросил он тревожно.

– Потому что север забирает тех, кто слишком близко подходит к его тайне, – ответила женщина и продолжила петь.

Внезапно всё исчезло. Давид стоял теперь на берегу бескрайнего моря, ледяного и свинцового, которое медленно накатывалось на берег и отступало назад, словно в глубине его дышало гигантское существо. Вдали, прямо посреди волн, стоял человек, огромный и лысый, и в руке его сверкал огнём длинный клинок с древними рунами, которые Давид не мог прочесть.

Человек повернулся к нему, и Давид узнал в его взгляде силу и мудрость, превосходящую человеческие пределы. Человек указал клинком на него и сказал громовым голосом:

– Не ступай сюда, Давид бен Меир. Здесь тебя ждёт только смерть.

Давид отшатнулся, чувствуя холод страха в груди. Он попытался отвести глаза, но фигура уже исчезла. Осталось лишь мерцание северного сияния в небе, образовавшее последнюю букву Тав – символ завершения и печати судьбы.

Давид проснулся резко, тяжело дыша, сердце его бешено стучало в груди. Он понял: ответ был скрыт в ледяных буквах, в этом пугающем северном сиянии, в песне старой слепой женщины, в предупреждении огромного человека с мечом.

Ответ был на севере, там, где смерть и мудрость сплетены в единый морозный узор и так отличаются от всего известного ему.

Теперь он знал, куда идти. Но он также знал, что, следуя туда, идёт навстречу судьбе, которой не сможет противостать.

Его размышления прервал настойчивый стук в дверь. Сердце ещё колотилось от ярких картин сна. В комнату вошёл молодой монах с письмом, требовавшим прибыть к епископу Ульриху незамедлительно.

Когда Давид вошёл в приёмную епископа, его сразу впустили внутрь.

Епископ Ульрих сидел за массивным столом, устало и мрачно всматриваясь в лицо пришедшего.

– Ну что ж, Давид бен Меир, – произнёс он, растягивая слова, словно пробуя их на вкус, – признаться, я удивлён. Ты совершенно не похож на жида. Скорее, на какого-нибудь тевтонского рыцаря.

Давид спокойно поклонился и ответил на чистейшем немецком языке, голосом ровным и спокойным, без малейшего акцента:

– Так и было задумано, ваше преосвященство. Для всех, кто встретит меня на пути, я простой купец, направляющийся по торговым делам.

Епископ пристально посмотрел на него, слегка приподняв бровь, и на губах его промелькнула едва заметная, холодная улыбка:

– Хорошо сказано. Я и сам уже позаботился об этом. Отныне ты – почтенный купец из Базеля, доверенный человек по имени Зигфрид Штайнер. Так гласит грамота, которую я для тебя приготовил. Или ты сомневаешься в моей предусмотрительности?

– Я не сомневаюсь в мудрости и проницательности вашего преосвященства, – сказал Давид ровно, не сводя взгляда с епископа.

Ульрих фон Пфедферхардт задумчиво потеребил кольцо на пальце и, откинувшись в кресле, спросил:

– Куда же именно ты отправишь свои стопы, господин Штайнер? Ты уверен, что тебе известен путь этих еретиков?

– Я знаю, куда направятся беглецы, ваше преосвященство. Это ясно, как божий день. На север. Им некуда более идти. Я видел их путь во сне, и сердце моё говорит, что они не минуют Шпайер. Именно там я и стану ждать их появления.

– Значит, Шпайер? – задумчиво повторил епископ, и глаза его сузились. – Интересно. И как же ты намерен действовать, когда найдёшь этих отступников? Ты знаешь, кого преследуешь? Это не простые люди, не жалкие беглые монахи. Один из них – старый северный колдун, языческий жрец, а другой – его ученик. Их сила велика. Справишься ли ты с ними?

Давид медленно кивнул и ответил так же уверенно, словно говорил о повседневных делах:

– Я осознаю всю тяжесть задачи, ваше преосвященство. Конечно я не воин, но и не глупец. Я не стану вступать с ними в открытый бой. Постараюсь действовать тихо и незаметно. Может быть, отравлю их еду, быть может, подкараулю ночью и прирежу в безлюдном переулке. Если же представится случай, я пушу в них стрелу из арбалета и избавлю вас от их присутствия. Я сделаю всё, что от меня потребуется.

– Признаться, – задумчиво сказал епископ, – я ожидал другого. Я полагал, что услышу сейчас трусливое нытьё жалкого иудея, который начнёт умолять меня избавить его от грязной работы. А вместо этого передо мной стоит человек, говорящий как рыцарь и воин. Это удивительно и даже странно. Ты не боишься пролить христианскую кровь?

– Для меня эта кровь не более свята, чем для вас кровь иудея, ваше преосвященство, – ответил Давид холодно, но почтительно. – Я действую не ради мести или удовольствия, но делаю то, что должен, ибо от этого зависит жизнь моей семьи и общины. Вы дали мне задачу, и я её исполню, чего бы мне это ни стоило. Господь знает моё сердце, и он рассудит мои дела.

– Твои слова звучат убедительно, Штайнер, – произнёс епископ с лёгкой усмешкой. – Ты умеешь говорить красиво и уверенно. Даже слишком уверенно для того, кем ты являешься на самом деле. Ты действительно еврей? Или быть может, в тебе есть христианская кровь?

– Во мне течёт кровь моего народа, ваше преосвященство, – ответил Давид, не отводя взгляда. – Но сейчас я – тот, кем вы приказали мне стать. И я не посмею отступить от вашего приказа, ибо последствия этого будут страшны для всех нас.

Епископ смотрел на Давида долгим, пристальным взглядом, словно пытаясь прочесть его мысли, а затем медленно вынул из ящика стола свёрнутый пергамент и положил его перед Давидом.

– Вот твоя подорожная грамота, купец Зигфрид Штайнер из Базеля, – сказал он холодно. – Здесь моё дозволение на беспрепятственный проезд и торговлю. Но запомни хорошенько: если тебя поймают и разоблачат, если кто-то узнает, кто ты на самом деле, я объявлю, что грамота была украдена хитрыми жидами, а купец Зигфрид подтвердит это, ибо ему дорога его жизнь. Ты понимаешь, что это значит?

Давид медленно взял грамоту, и внимательно прочёл её. Грамота гласила:
«Во имя Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

Мы, Ульрих, по милости Божией епископ Констанцкий, пастырь и защитник правой веры, сим засвидетельствуем пред всеми, кто увидит сию грамоту и прочтёт её, следующее:

Пусть будет ведомо всем сеньорам, рыцарям, кастелянам, стражникам, мостовым и путевым сборщикам, иным чиновникам и добрым людям, что почтенный муж Зигфрид Штайнер из Базеля, купец благонравный и проверенный, отправляется по делам торговли и службы в земли к северу, и повелеваем мы ему не чинить препятствий.

Мы вручим ему сей свиток с нашей печатью и подписью, дабы был он принят как наш гость и поверенный, и пусть пользуется охраной и благосклонностью от лиц как светских, так и духовных.

Также сообщаем, что вышеупомянутый господин Штайнер имеет при себе вещи мирные и нужные для его промысла, и повелеваем не досматривать его без веской причины, и да не будет он остановлен, задержан, унижен, обобран, избит, оклеветан или подвергнут пошлинам, ибо таков наш епископский указ и милость.

Дано в городе Констанце, в лето Господне 1347, месяца июня, на шестнадцатый день, первый после дня святого Вита, письмом руки нашей и свинцовой печатью во свидетельство.

Ulricus Episcopus Constantiensis

In zelo fidei et honore ecclesiae Dei».

– Я понимаю, ваше преосвященство. Благодарю вас за доверие и милость, которые вы оказали мне, недостойному. Пусть Христос, в которого вы верите и кому служите, будет свидетелем моей верности.

– Что ж, – произнёс епископ, протягивая Давиду руку с тяжёлым золотым перстнем. – Прими моё благословение, сын мой, и иди с миром. Пусть твой путь будет коротким и успешным.

Давид склонился и сдержанно поцеловал перстень, чувствуя отвращение, пробирающее его до костей. Внутри всё сжалось, сердце заколотилось от ярости и стыда, но он не подал ни малейшего признака обуревавших его чувств.

Когда Давид уже направлялся к выходу, голос епископа настиг его с холодной угрозой:

– Помни, Зигфрид Штайнер, или как тебя там – или ты принесёшь мне головы этих еретиков, или я уничтожу твою общину до последнего ребёнка. Не забывай об этом.

Давид не обернулся, лишь молча вышел, снова никак не выразив своих чувств.

На рассвете он уже седлал Ор, любимую гнедую кобылу. Ор на иврите значит «Свет». В седельные сумы он уложил грамоту, вексель на сорок флоринов, мешочек с десятком золотых флоринов и другой, полный серебра, провизию и небольшой тул с арбалетными болтами. Арбалет был крепко привязан к седлу.

Во дворе его ждал отец. Меир выглядел старым и усталым, глаза его блестели от слёз.

– Подойди ко мне, сын мой, – тихо сказал он.

Давид приблизился. Меир положил обе руки ему на плечи, заглянул глубоко в глаза и медленно произнёс благословение на иврите:

– «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя. Да осветит Господь лицо своё над тобою и будет милостив к тебе. Да обратит Господь лицо своё на тебя и даст тебе мир».

Он крепко прижал сына к груди, и Давид почувствовал, как старик дрожит от сдерживаемых рыданий.

– Вернись ко мне живым, сын мой. Вернись.

– Вернусь, отец, – тихо сказал Давид, крепко сжав его руки, и одним плавным движением вскочил в седло.

Выезжая из ворот Констанца, он оглянулся на родной город, на дома еврейского квартала, и сердце его сжалось от горечи. Затем он пришпорил Ор и направился по дороге на север, в Шпайер, навстречу своей судьбе и беглым монахам.

Глава 7. Хутор в глубине Шварцвальда

В самой глубине Шварцвальда, там, где хвойные великаны сходятся так близко, что свет солнца едва достигает земли, притаился небольшой хутор. Семья Ганса-земледельца жила здесь уже много лет, отмеряя время не днями и часами, а сменой сезонов и урожаем на огороде. Жена его, Гретхен, женщина крепкая и улыбчивая, по утрам кормила кур и гусей, а потом доила коз, ласково говоря им слова, которые понятны и животным, и детям. Детей у них было трое: старший, крепкий и румяный Отто, средняя дочь Эльза, задумчивая и тихая, и младшая девочка, ещё грудная Хильда.

Их жизнь текла размеренно и тихо, под звук топора в руках Ганса, с радостными криками детей и тихим шебуршанием животных, бродивших по двору. На огороде росла репа, капуста и фасоль; летом Гретхен собирала травы, которые сушила под крышей. Воздух был наполнен запахом хвои, сушёных трав и дымом от очага.

Однажды Ганс поехал на ярмарку в соседнюю деревню Хоэнбах, чтобы обменять несколько кож на соль, которую он давно обещал жене, и медовые пряники детям, о которых они мечтали весь год. Вернулся он поздно, уже в сумерках, усталый, с небольшим мешком соли, свежим хлебом и пряниками, завёрнутыми в льняную тряпицу. Войдя в дом, Ганс не мог понять, почему ломит всё тело, почему так тяжело дышать, а во рту горчит, будто он ел сырую полынь.

– Просто устал, – прошептал он жене, которая встревоженно трогала его пылающий лоб, – пройдёт.

Через три дня заболел Отто. Мальчик побледнел, стал хрипеть и жаловаться, что ему холодно даже в жаркий полдень. На его шее вздулись чёрные, болезненные шишки. Мать растирала их травами, шептала молитвы, но не помогло ничего. На пятый день Отто уже не было.

За ним слегла Эльза, крича по ночам и зовя брата, который будто приходил к ней и звал за собой. Потом заболела маленькая Хильда, она не кричала, лишь тихо стонала и смотрела огромными глазами, пока дыхание её не затихло навсегда.

Ганс, понимая, что именно он принёс эту напасть, стал молчалив и мрачен. В глазах его поселилась чёрная, липкая вина, которая не давала спать, не давала есть и пить, и вскоре он сам слёг с горячкой и кровавым кашлем. Гретхен бродила по дому, ухаживая за больными, пока они один за другим не перестали быть больными и стали просто мёртвыми.

Когда умер и Ганс, что-то сломалось в её сознании. Гретхен перестала видеть смерть. Она улыбалась, обнимала тела своих близких, укладывала их на кровати, укрывала одеялами и шептала тихие слова:

– Спице, милые мои. Спице, скоро всё пройдёт, и снова будет солнце, и снова будет тихо и хорошо.

Дни потянулись, сливаясь в один нескончаемый сумрак. Животные разбежались, кроме одной козы, которая жалобно блеяла во дворе, а Гретхен лишь улыбалась и гладила её, повторяя ей, как и детям, и мужу, и себе самой:

– Всё будет хорошо. Скоро они проснутся, скоро...

В один из таких дней, когда летнее солнце уже клонилось к вечеру, по узкой тропе к хутору приближались два странника. Один высокий, мощный, совершенно лысый и с густой седой бородой. Второй – молодой, худощавый и усталый, глаза его тревожно оглядывали лес и тёмные окна хижины.

Гретхен вышла им навстречу, улыбаясь радостно и немного рассеянно. На руках она держала малышку Хильду, уже несколько дней как умершую. Малышка была укутана в грязную тряпицу, личико её уже почернело и исказилось, но Гретхен не замечала этого.

– Здравствуйте, добрые люди, – ласково проговорила она, покачивая на руках труп ребёнка, – проходите же в дом, будьте нашими гостями. Гость в дом – Бог в дом.

Но странники остановились как вкопанные; младший, взглянув на женщину, побледнел и стал хватать ртом воздух. Гретхен удивлённо смотрела на него, не понимая, почему лицо его исказилось от ужаса, почему старший встал между ним и ею, сурово глядя на её шею, на которой чернели огромные, лоснящиеся бубоны.

– Что с вами, добрые люди? – удивилась она, сделав шаг навстречу. – Вы устали? Проголодались? У нас есть молоко, есть хлеб, и дети сейчас проснутся, я их покормлю...

Старший схватил младшего за руку и с силой потащил прочь, а Гретхен, недоумённо глядя им вслед, шептала, прижимая к груди маленькое мёртвое тельце:

– Странные нынче гости пошли, даже молока не выпили...

Она медленно вернулась в дом, уложила Хильду в колыбельку, погладила её холодную голову, поправила одеяло на теле мужа и запела тихую колыбельную песню, которая когда-то была живой и радостной, а теперь звучала, как дыхание самой смерти, тихо и ласково гуляющей по пустому, обречённому дому.

Глава 8. Сквозь Шварцвальд

После того, как мы покинули тот страшный хутор, мы остановились на ночь глубоко в чаще леса. Деревья вокруг стояли тесно, мрачные и влажные, как будто сам воздух сгустился от их дыхания. Я чувствовал, как мои ноги гудят, словно колокола, а сердце колотится в груди, будто пытаюсь вырваться наружу. Мы долго молчали, просто сидели, вслушиваясь в потрескивание костра и шорохи ночного леса.

Вдруг отец Бенедикт поднялся и, посмотрев на меня тяжёлым взглядом, сказал:

– Хватит отдыхать. Бери меч.

Я с трудом поднялся, взял оружие и подошёл к нему. Тренироваться сейчас казалось безумием, но возражать я не посмел. Меч был для меня оружием новым.

– Запомни, Иероним: оружие, будь то меч или дубина, пребывает либо в готовности, либо в покое.

Из положения готовности ты можешь нанести удар без промедления, без подготовки, без замаха. Чтобы нанести удар из положения покоя, сначала придется замахнуться. А в бою, сам понимаешь, это целая вечность.

Мастер отличается от новичка умением переводить оружие из покоя к готовности и обратно так быстро, что глаз не успевает уловить движения.

Ты должен научиться разгонять оружие по кольцевым и воронкообразным направлениям. Кольца – проще. Через них ты почувствуешь поток, плавность, непрерывность. Они учат тебя удерживать оружие в состоянии готовности и незаметно менять направление удара. Начни с пяти фигур вращения – это основа. Они дадут тебе свободу переходов и способность бить откуда угодно. Без этого ты будешь рубить, как плотник, а не как боец.

Воронки – другое дело. Они сложнее, они требуют тонкости, но удары через них выйдут быстрее, и главное – непредсказуемое. Противник не успевает прочесть твоё движение, потому что ты сам его не планируешь до конца – ты позволяешь оружию течь.

Работай как одной рукой, так и двумя. Если оружие длинное и тяжёлое – двуручный хват тебе необходим. Но главное – умей комбинировать. Меняй руки, меняй темп, меняй траектории. Оружие должно быть продолжением твоей воли.

Я тренировался до полной темноты. Руки мои дрожали, но Бенедикт оставался неумолим. Он велел мне вырезать дубину из молодого граба и сказал, что удары должны ломать кости, иначе врага не остановишь.

– При первой возможности купим тебе меч, – говорил он. – Ножом, которым ты уже владеешь, хорошо глотки резать в темном переулке, но в серьезной схватке он почти бесполезен.

На следующее утро он бросил руны на землю и помрачнел:

– Погоня близко. Очень близко.

И правда – где-то на грани доступного моему уху послышался залиvistый лай собак. Мы сорвались с места быстро, почти бегом. Где-то к полудню Бенедикт остановился и стал искать подходящее место. Мы нашли большой ствол поваленного дерева и подвесили его на крепких верёвках в ветвях над тропой, скрыв растяжку в траве. Кто-нибудь из преследователей обязательно зацепит веревку, и тогда бревно рухнет прямо ему на голову. Это была тяжелая работа, но мы справились быстро благодаря чудовищной физической мощи отца Бенедикта.

Дальше дорога вывела нас к глубокому ущелью. Через него был перекинут мост из кое-как связанных брёвен. Бенедикт спустился под мост, топориком аккуратно подрубил брёвна с обеих сторон так, что мост едва держался и готов был рухнуть под тяжестью если не человека, то лошади точно.

Я, вдохновлённый собственным порывом, вырезал снизу на мосту руны Хагалаз и окрасил её собственной кровью. «Пусть это остановит преследователей», – думал я.

К вечеру мы были совершенно измотаны, но тренировки продолжились – меч, нож, дубина. Ночью я рухнул в сон, едва прикрыв глаза. С утра еле встал – болело буквально всё. Отец Бенедикт снова спрашивал руны о погоне, и выходило так, что её больше нет. Однако погоня была только частью наших трудностей. Еды почти не осталось, и Бенедикт подстрелил камнем из пращи зайца. Я вспомнил, что родился сыном травницы, и по дороге собирал щавель и крапиву, жевал терпкую кислицу, находил сочную землянику и пряную черемшу. В травах и корнях я разбирался, пожалуй, даже лучше отца Бенедикта. Из корней лопуха вечером сварили похлёбку и съели зайца. Теперь я учился и владению пращой.

Следующий день был дождливым, и утром лес погрузился в непроглядную серость, словно сам воздух стал жидким и тяжёлым, как вода в болоте. Мы продвигались медленно, шаг за шагом проверяя землю под ногами. Грязь хлюпала, прилипая к нашим сапогам, а корни, покрытые мхом и мокрой листвой, были скользкими, как свежая рыба.

– Осторожней, Иероним, – предостерег меня отец Бенедикт, оглядываясь с тревогой. – Если сломаешь ногу, погоня нам больше не будет страшна. Лес сам нас прикончит.

Тропа вела нас вверх, вдоль крутого склона. Снизу доносился шум ручья, а может, мелкой реки, скрытой кустами и деревьями. Влага струилась по лицу, затекала под воротник, холодила спину. Туман клубился вокруг нас, напоминая призраков, выходящих из лесной чащи.

Вдруг мой взгляд зацепился за что-то странное далеко внизу, у самого подножия склона.

– Стойте! Там кто-то есть! – воскликнул я, резко остановившись.

Отец Бенедикт настороженно подошёл ближе, всматриваясь вниз.

– Человек. Лежит неподвижно. Пойдём осторожно, Иероним, – сказал он, двинувшись вниз по скользкому склону.

Мы цеплялись за мокрые кусты и ветки, с трудом удерживаясь на ногах. Несколько раз я чуть не сорвался вниз, сердце отчаянно колотилось в груди.

Внизу картина стала яснее: молодой человек лежал лицом вверх, голова была неестественно вывернута. Он был облачён в дорожный плащ тёмно-синего цвета, когда-то дорогой и красивый, а сейчас мокрый и грязный.

– Соскользнул с тропы вместе с лошадью и свернул шею, – негромко произнёс Бенедикт. – Вон его кобыла. Кажется, она цела. Не спугни её!

Неподалёку спокойно щипала мокрую траву великолепная воронья лошадь. Увидев нас, она фыркнула и подняла голову, настороженно прядая ушами.

– Тише, красавица, – прошептал я, подходя ближе и протягивая руку. – Мы не причиним тебе вреда.

Кобыла не отступила, наоборот, шагнула навстречу, словно давно нас ждала. Я мягко коснулся её шеи, чувствуя под ладонью живое тепло. Я обратил внимание, что седло и сбруя превосходной выделки.

У седла, в потемневших от влаги кожаных ножнах, висел меч. Я заметил его, когда подошёл ближе к кобыле, и рука моя невольно потянулась к эфесу.

Это был не тот изысканный меч, который носят при дворе ради показной доблести и пустых ритуалов. Нет. Этот клинок был создан для дела – для боя, для крови, для выживания.

Эфес – прямой, с небольшой загнутой вниз крестовиной – был стёрт до матовости от долгой службы. Оплётка рукояти, выцветшая, но ещё крепкая, пахла кожей и маслом. Я и сам удивился, с каким уважением потянулась к ней моя ладонь.

Я вытащил клинок из ножен. Лезвие длинное, прямое, без украшений, с глубокими долами, слегка потемневшее от времени и влаги, но не ржавое – кто-то любил этот меч, ухаживал за ним, как за живым. Клинок зазвенел тихо, но уверенно, когда я щелкнул по нему ногтем.

Он был хорошо сбалансирован – центр тяжести чуть ближе к эфесу, что позволяло держать его одной рукой, но чувствовалась в нём скрытая тяжесть, словно в теле бойца, давно

знающего свою силу и не спешащего её показывать. В бою он наверняка разрубал плоть и рассекал кости легко и без всяких усилий.

– Прекрасный меч, – пробормотал я.

Бенедикт подошёл и кивнул, пристально глядя, как я держу оружие.

– Это оружие дворянина, – сказал он. – Слишком хорош, чтобы ржаветь в лесу. Значит, и ты должен быть достоин его.

Я опустил меч и медленно вложил его обратно в ножны. Холод металла остался на ладони, как отпечаток судьбы.

Тем временем Бенедикт осмотрел седельные сумки. В них нашлось немного серебра, дорожная грамота и небольшой дневник в кожаном переплёте. Глядя на грамоту, он прочитал вслух:

«Да будет ведомо всем, кто узрит сие письмо, что Фридрих, сын дома фон Таль, отпрыск рода благородного и честного, носит сие имя, герб и оружие по праву рождения.

Сей юноша отпущен от очага родного для дел достойных, воли старших и испытания духа своего на дорогах Империи.

Именем власти, врученной мне господином моим, позволяю ему свободно проходить земли германские и иные, в пределах закона и порядка.

Повелеваю стражам дорог, мостов и переправ, сборщикам податей и иным блюстителям порядка: не чинить препятствий сему носителю грамоты и относиться к нему как к свободному человеку чести.

Дано при знамени и печати, свидетельствующих истину сего слова.

Хартвиг фон Рот, фогт замка Штоках, верный вассал правосудия»

У меня перехватило дыхание. Имя на грамоте прозвучало для меня как звон колокола.

– Иероним, посмотри на него внимательно, – сказал Бенедикт. – Ты видишь?

Я посмотрел на мёртвого. Он и вправду был похож на меня – тёмные волосы, прямой нос, худое лицо.

– Что это значит? – спросил я тихо, словно боясь услышать ответ.

– Это значит, что Боги нам благоволят. Теперь у тебя есть имя, документы и даже лошадь. А я сбрею бороду, повяжу голову платком и стану твоим слугой и телохранителем по имени Манфред. Мы не должны упустить этот шанс.

Он вложил грамоту и дневник в мои дрожащие руки.

В дневнике было написано:

«Anno Domini 1347, in mense Junio

(В лето Господне 1347, в месяце июне)

Сегодня, прежде чем пересечь первый порог леса, я помолился Деве Марии и святому Маврикию. Отец велел мне помнить, что честь дома важнее сомнений, но в моей душе – лишь туман.

Я оставляю дом, мать и младшего брата. Мне вручили грамоту, как будто с ней я обрету свою судьбу, но все, что я обретаю, – это дождь, стекающий по вороту, и тишину, которая звучит громче, чем слова родных.

Слуга мой, Никлас, молчит с тех пор, как мы покинули Штоках. Он боится леса. А я боюсь, что поеду слишком далеко, и мне понравится.

Я – Фридрих фон Таль, не рыцарь, не священник, не купец. Пока что я – пустота между этими словами. Может быть, в Шпайере я обрету форму. А может, потеряю имя.

Да простит меня Бог, если я не хочу быть тем, кем должен быть...»

Мы похоронили его рядом с местом, где нашли, под большим дубом, ветви которого склонялись, словно в печали. Я долго стоял перед свежей могилой, а потом сказал, чувствуя, как слова давят мне на сердце:

– Прости меня, Фридрих. Не по своей воле беру я твоё имя. Клянусь тебе: я не опозорю твоей памяти.

Бенедикт произнёс короткую молитву Одину на языке, которого я не понимал. Потом, посмотрев на меня внимательно, он добавил:

– Теперь запомни, Фридрих фон Таль, – он впервые назвал меня этим именем, и от этого у меня по спине побежали мурашки, – ты дворянин. Я твой слуга. Веди себя соответственно.

Первые дни дались мне нелегко. Верховая езда казалась мучением. Я падал, снова садился, цеплялся за поводья, но Бенедикт был терпелив.

– Держи спину прямо! – говорил он. – Ты дворянин, а не мешок с репой! Приказывай мне, не проси! Если покажешь слабость – погубишь нас обоих.

Вечерами у костра я читал дневник Фридриха, пытаюсь понять, каким он был:

«Anno Domini 1347, в десятый день июня»

Сегодня утром я проснулся от того, что снилась мне опять та девушка из Роттенбурга, дочь кузнеца. Во сне её волосы были словно медь, которая плавится в печи её отца. Мы никогда не говорили с ней о чувствах, лишь обменивались взглядами на ярмарках и после службы в храме. Теперь я далеко, а сны о ней стали чаще и мучительнее.

Никлас вновь молчит. Не знаю, для чего мне дали в спутники мальчика, который боится леса больше, чем своего господина. Он даже лошади моей боится – и моя дорогая Вальда отвечает ему глухой неприязнью, пытается укунить или наступить на ногу, когда он подходит близко. Может быть, ему велели следить за мной, чтобы я не сбежал с дороги, назначенной родом?

Лес становится гуще. Деревья здесь стоят, как старые монахи на службе – молчаливые и строгие. Птицы замолкают при нашем приближении, а когда я смотрю назад, то вижу только тропу, которая теряется в густых ветвях, словно сама земля поглощает мои следы.

Сегодня заметил, что слуга украдкой крестится, будто здесь его поджидает сам дьявол. Может быть, и правда есть сила, живущая в этих местах, которую лучше не тревожить?

Иногда думаю: правильно ли поступил отец, отправив меня в Шпайер? Может, я должен был остаться дома, принять малое духовное звание, жениться на кузнецовой дочери, жить просто и спокойно, но с теплом и смыслом?

Но уже поздно – мы идём дальше, и каждый шаг удаляет меня от той простой жизни, которую я мог бы прожить. Я не знаю, куда ведёт эта дорога. Может быть, это путь к величию. А может быть, к забвению.

Если когда-нибудь кто-то найдёт этот дневник, пусть помолится обо мне. Ибо я не уверен, что моих собственных молитв моей душе достаточно».

Чем дальше мы шли, тем больше я становился похож на Фридриха, чувствуя его страхи, надежды и боль.

И вот на утро десятого дня, измученные, но преображённые, мы увидели перед собой городские стены Шпайера.

Бенедикт остановился и сказал тихо:

– Запомни, пути назад нет. Теперь ты – Фридрих фон Таль. Твоё прошлое умерло в лесу. Не обмани свою судьбу.

Глава 9. Чёрная тропа

Лес обступал их, нависал и тяжело дышал, словно живое существо. Впереди торопливо бежали собаки, натянув поводки и нюхая землю. Фогт Гюнтер фон Штайн ехал первым, за ним двигался мрачный отец Хартмунд, сжимая в руке крест. Следом верхами ехали солдаты. Никто не смеялся, не разговаривал. Молчание нарушал лишь хруст сухих веток под копытами коней и дыхание людей.

Собаки вдруг встрепнулись, залились лаем и резко потянули в сторону, где за редкими деревьями уже виднелись очертания хутора. Фогт поднял руку, и отряд остановился.

Хутор выглядел странно. Ни дыма над кровлей, ни голосов. Лишь тревожная тишина, повисшая в воздухе, пропитанная чем-то тяжелым и зловещим, словно перед грозой.

Собаки с лаем рванули вперёд, но за десять шагов до двери разом остановились, словно налетели на невидимую стену. Их лай сменился жалобным визгом, и они стали пятиться назад, жмурясь и трясая головами.

– Дьявольщина, – тихо произнёс фогт, чувствуя, как по спине пробежал холодный пот.

– Что это с ними? – сдавленно прошептал один из солдат.

Трое солдат, не дожидаясь приказа, с криками бросились в дом. Оружие их сверкало на солнце, глаза горели нетерпением поймать беглецов. Но едва переступив порог, они завопили от ужаса.

– Чума! Господи Иисусе, чума! – кричали они, выскакивая обратно, хватаясь за лица, будто их жгло огнём.

А следом вышла женщина, бледная как смерть, с ужасной улыбкой на лице и огромными багровыми бубонами на шее. На руках она держала маленькое безжизненное тело ребёнка.

– Милости просим, добрые люди! – голос её был ласков, как у матери, убаюкивающей младенца. – Не бойтесь, заходите в дом. Я сейчас на стол накрою...

Солдаты отпрянули, лица их исказились от ужаса.

– Назад! – рявкнул фогт Гюнтер, осаживая коня, и отъехал подальше. – Никому не двигаться! Арбалеты! Живо!

Солдаты подняли арбалеты. Трое их товарищей замерли на пороге проклятого дома, ошеломлённые и беспомощные.

– Господин! – взмолился один из них, молодой, белокурый, едва не плача. – Мы же свои... Пощадите!

– Простите нас! – вторил второй.

– Во имя Христа! – прохрипел третий.

Гюнтер колебался всего мгновение. Потом холодно приказал:

– Стреляйте.

Тетивы щёлкнули. Солдаты рухнули замертво. Женщина, всё так же безумно улыбаясь, шагнула к ним, но тут же, пронзённая стрелами, осела в пыль, всё ещё прижимая к себе мёртвого ребёнка.

Отец Хартмунд трясущимися губами произнёс молитву:

– *Miserere nostri, Domine...* Господи, смилуйся над нами грешными...

Никто не сказал больше ни слова. Все обошли хутор по широкой дуге, как проклятое место, и двинулись дальше.

К вечеру отряд остановился на небольшой поляне, среди угрюмых деревьев. Никто не разжигал огня, не ел. Люди сидели, настороженно поглядывая друг на друга. Фогта не осуждали. Напротив, теперь все глядели на него с испуганным уважением, понимая, от какой судьбы он их избавил.

Наутро, едва солнце пробилось сквозь плотные кроны, они снова двинулись по едва заметной лесной тропе. Собаки, подавленные вчерашним происшествием, тихо бежали впереди. Было мрачно, холодно, влажно.

Внезапно раздался резкий треск веток, грохот, и огромное бревно обрушилось прямо на солдата, который ехал первым. Он не успел вскрикнуть – и рухнул на землю вместе с лошадью, забившейся в агонии.

– Это ловушка, господин! – закричал один из солдат. – Нас всех тут положат эти проклятые чернокнижники!

– Назад! – закричал другой. – Нам не справиться с ними!

– Молчать! – взревел Гюнтер, и ярость сверкнула в его глазах. – Кто ещё произнесёт слово об отступлении, того лично заporю насмерть, и труп его брошу гнить в этом проклятом лесу!

Но даже Хартмунд осмелился возразить:

– Фогт, это знак Господень. Нельзя дальше...

– Молчи, монах! – голос Гюнтера дрожал от гнева и отчаяния. – Здесь я власть, и мои приказы священны!

Люди, охваченные страхом, покорно двинулись дальше. Теперь никто не хотел ехать впереди, и фогт, выругавшись, возглавил отряд сам.

Тропа привела их к узкому мосту через глубокую расщелину, дно которой было усыпано острыми, как кинжалы, камнями. Собаки, принюхиваясь, легко перебежали на другую сторону.

Гюнтер, не раздумывая, погнал коня по брёвнам. И тут мост внезапно дрогнул, затрещал и рухнул вниз, увлекая за собой фогта, его коня и привязанных к седлу собак. Тело фогта ударилось о камни с глухим, ужасающим звуком. Конь жалобно заржал и затих.

Солдаты молча смотрели вниз, никто не решался заговорить. Хартмунд сделал несколько шагов к краю расщелины, глянул вниз и отшатнулся.

– Господи... Сатана здесь. Бежим! – прокричал он, забыв все молитвы.

Не сговариваясь, все бросились назад. Людей охватил дикий, животный страх. Никто не задержался даже чтобы прочесть молитву, не оглянулся, не забрал тела павших. Люди бежали прочь от этого проклятого места, и только лес стоял, безмолвный и мрачный, словно насмехаясь над теми, кто нарушил его покой.

Глава 10. Шпайер

Утреннее солнце едва коснулось крыш Шпайера, когда мы подошли к городским воротам. Стены города высились каменными глыбами, словно исполинские часовые, равнодушные к бесконечной веренице путников, входящих и выходящих через узкие врата. Я потянул поводья, и моя кобыла всхрапнула, недовольно качнув головой. Бенедикт, шедший пешком чуть позади, смотрел прямо перед собой, лицо его выражало полнейшее равнодушие ко всему, что его окружало.

– Кто такие? Куда держите путь? – лениво поинтересовался стражник, едва глянув на нас.

– Фридрих фон Таль, – произнёс я твёрдо и высокомерно, как и подобало дворянину. – Едем в Ландау.

Ландау был городок на юго-западе – совершенно не в той стороне, куда мы на самом деле направлялись.

Стражник кивнул, явно удовлетворённый ответом, и жестом показал нам проходить.

Улочки Шпайера были тесными и сумрачными, дома жались друг к другу, будто пытаясь согреться, нависая верхними этажами и создавая иллюзию, будто мы пробираемся через ущелье, вырубленное в дереве и камне. Под ногами чавкала грязь, смешанная с нечистотами, и вонь стояла невыносимая, словно сотни лет здесь никто не заботился о чистоте.

Нам потребовалось немало времени, чтобы найти постоялый двор, не слишком близко к центру, но приличный на вид. Заведение называлось «Под серой уткой». Когда мы подъехали, низенький круглолицый трактирщик мгновенно появился в дверях, низко кланяясь.

– Добро пожаловать, благородный господин! Какую честь вы оказали моему дому! Прошу, прошу войти!

Я молча кивнул, позволяя ему ухватить поводья и передать лошадь мальчику-конюху. Трактирщик проводил нас наверх, в небольшую, но чистую комнату с двумя кроватями и крепким деревянным столом. Вскоре принесли воды, кусок желтовато-серого мыла, грубого и пахнущего золой и жиром, и пару полотенец. Мы наскоро отмыли дорожную грязь, затем спустились перекусить в трактире ломтем хлеба с солёным мясом и выпить эля.

После краткого отдыха мы направились в порт. Бенедикт, называвший себя теперь моим слугой Манфредом, остановил первого же лодочника:

– Кто уходит на север по Рейну?

– Два судна стоят, – ответил лодочник, щура глаза на солнце. – Одно в Майнц завтра, другое в Кёльн через седмицу.

– Кёльн нам подходит. Кто шкипер?

– Отто Шварц. Человек он тихий, надёжный. Хотите, отведу?

За пару грошей лодочник привёл нас к кораблю – крепкой деревянной ладье под названием «Чёрный лебедь», на борту которой матросы неторопливо вязали канаты и проверяли снасти. Шкипер Отто оказался жилистым, седым человеком с внимательными глазами. Долго не хотел брать лошадь, опасаясь за груз, но золотой флорин убедил его. Половину суммы он потребовал сразу. Судно ждало груз – вино и шерсть из Эльзаса.

Пообедав в харчевне в порту похлёбкой из шуки и ломтем ржаного хлеба, мы отправились на кузнечную улицу Schmiedgasse у юго-восточных ворот. Бенедикт был мрачен и сосредоточен.

– Дорога дальняя и беспокойная. Нужна броня, иначе можем не доехать.

Мы долго бродили по лавкам кузнецов, осматривая товары. Всё казалось Бенедикту либо слишком тяжёлым, либо неудобным, либо откровенно грубым. Но вот в конце улицы, почти у самых ворот, мы нашли небольшую лавку с аккуратной вывеской «Мастер Людвиг». В лавке

на стене висел доспех – бригантина – прекрасной работы, с кожей глубокого тёмного цвета и бронзовыми заклёпками. Цена, правда, пугала – двенадцать флоринов.

– Что особенного в этой броне, мастер? Почему столь дорого? – спросил Бенедикт, касаясь пальцем доспеха.

Мастер, немолодой мужчина с седой окладистой бородой, настолько малого роста, что казался гномом, гордо шагнул вперёд:

– Пластины стальные, закалены по-особому, накладываются внахлёт, словно чешуя у дракона. На груди и спине пластины крупнее и прочнее, по бокам мельче, чтобы не стеснять движений. Снаружи кожа особой обработки, не промокает и не рвётся, между подкладкой и металлом – прессованный войлок, силу удара гасит, – перечислял он с гордостью. – Вот тут крючки особые, можно сбросить вмиг, если вдруг ранен или в воду упал. По желанию делаю ножны скрытые или карман тайный для золота.

После долгого разговора сошлись на том, что для меня будет броня побогаче украшенная, а для Бенедикта видом поскромнее. Еще заказали великолепные кожаные боевые перчатки со стальными накладками. Мастер снял мерки, взял задаток и обещал управиться за несколько дней.

– Повезло нам с мастером, – пробормотал Бенедикт, выходя на улицу. – Денег я за долгую жизнь накопил, а дорога будет опасной.

Затем направились в еврейский квартал, где портные показали мне умелыми и расторопными, а сапожник Исаак клятвенно заверял, что лучших сапог во всём Шпайере мы не найдём.

Вечером пошли в баню. Шпайерская баня была заведением известным, славившимся далеко за пределами города своей роскошью и свободными нравами. Мы вошли в просторный зал, освещённый ярким пламенем факелов и свечей, отблески которых танцевали на влажных стенах и потолке. Воздух был наполнен ароматами трав, мёда и горячей воды, смешанными с терпким запахом разгорячённых тел и ароматических масел.

В центре зала находился большой каменный бассейн с теплой водой, от которого исходили волны пара. Вокруг бассейна располагались деревянные лавки, на которых отдыхающие расслаблялись, попивая пиво и ведя неторопливые разговоры. Здесь не было никакого стеснения; мужчины и женщины купались и мылись вместе, обнажённые тела без стыда скользили в воде и блестели в отблесках огня.

Особой частью бани были банные девы – молодые девушки, чьей задачей было ухаживать за посетителями, предлагая массаж и плотские утехы. Девушки с приветливыми улыбками прохаживались среди гостей, словно сказочные существа, возникшие из клубов пара.

Бенедикт немедленно скинул одежду, не испытывая никакой неловкости. Его широкая грудь и покрытые шрамами плечи вызвали одобрительные взгляды нескольких женщин. Он погрузился в воду с глубоким вздохом облегчения, потянулся – и тут же привлёк внимание какой-то пышной, смеющейся красотки.

– Господин мой Фридрих, бросьте свои монашеские замашки! – громко рассмеялся он, подзывая рукой одну из банных дев, молодую и весьма фигуристую блондинку. – Отдых без женщины – это как виса без рифмы! – и с лукавой улыбкой скрылся вместе с девушкой в отдельной парной комнате, чуть подтолкнув её впереди себя.

Я остался стоять у края бассейна, чувствуя себя неудобно. Моё воспитание в монастыре, все эти годы, проведённые в строгом послушании, давали о себе знать. Мысль о телесной связи с незнакомой женщиной вызвала внутренний протест, хотя, признаюсь, желание тоже было велико. Но чувство, что это будет неправильно, что любовная близость должна быть связана с чувствами, хотя бы симпатией, было сильнее.

Я вздохнул и погрузился в воду, стараясь расслабиться. Вода была приятной, ласкала тело и немного успокаивала ум. Закрыв глаза, я прислушивался к разговорам вокруг. Шум

голосов смешивался с плеском воды и сдержанным смехом. Но один разговор заставил меня насторожиться.

– Слышал, что в аббатстве святого Августина настоятеля принесли в жертву? – приглушённо говорил кто-то неподалёку. – Говорят, целый языческий ритуал устроили. Епископ тамошний рвёт и мечет, да только так и не поймал злодеев.

– А я другое слышал, – ответил его собеседник, ещё тише. – Говорят, аббата монахи сами и повесили. И самое-то странное – после этого чума у них прекратилась. Может, аббат и навлёк её своими чёрными делами?

– Тише ты! – зашикал первый. – Дело тёмное, но верно, слышал я, епископ охотников послал за беглецами теми. Только пропали охотники в лесу. Колдовство, не иначе...

Я почувствовал, как сердце замерло в груди. Страх холодной змеёй пополз по позвоночнику. Мне хотелось вскочить и уйти, но я заставил себя остаться спокойным. Дрожащими руками я вытер лицо и постарался дышать ровно, словно ничего не слышал.

Примерно через час, когда я уже успел одеться ипил травяной чай из деревянной кружки, появился Бенедикт – довольный, расслабленный и улыбающийся. Он легко сел рядом, взял кружку пива и сделал большой глоток.

– Видите, господин мой, насколько приятнее становится жизнь после хорошей бани и приятного общества! – сказал он, лукаво улыбаясь. – Ну что, готов идти домой?

Я молча кивнул, и мы поднялись, оставив за собой пар, шёпот и странные, пугающие слухи, которые продолжали кружиться в моей голове, не давая покоя всю дорогу до нашего постоянного двора.

Глава 11. Давид в Шпайере

Давид приехал в Шпайер под именем Зигфрида Штайнера из Базеля. Он снял комнату в трактире «Солёный ветер», стоявшем прямо в портовом районе. Здесь воздух был пропитан запахом сырости и гнилой рыбы, шумом и бесконечной суетой матросов и грузчиков, криками торговцев и пьяными голосами. Давид верил своей интуиции, той самой, которая не раз спасала его в опасных обстоятельствах. Теперь она ясно подсказывала: беглецы придут именно сюда, к портовым причалам, чтобы продолжить свой путь по реке на север.

Дни шли медленно и тягуче. Давид подолгу сидел в тавернах и трактирах, неторопливо попивая пиво и молча слушая беседы вокруг. Он пытался улавливать обрывки разговоров, высматривая беглецов в толпе. Вечерами он оставался в комнате, медитируя и погружаясь в тишину, пытаясь настроиться на присутствие тех, кого должен был убить. Они появятся. Он чувствовал это так же ясно, как холодный ветер с реки.

Однажды днем, направляясь по тесным улочкам к очередной таверне, Давид столкнулся с высоким и толстым человеком в дорогой одежде. Сердце пропустило удар. Это был каноник Маттеус фон Линдау, некогда служивший в Констанце. Глаза каноника вспыхнули узнаваемой смесью удивления и гнева.

– Давид бен Меир! – воскликнул Маттеус, хватая его за плечо. – Что ты здесь делаешь, да еще и в этом наряде?

– Прошу прощения, вы ошибаетесь, господин каноник, – тихо, но твердо ответил Давид, стараясь скрыть волнение.

– Не смей морочить мне голову, жид! – зашипел Маттеус, глаза его злобно блестели. – Я прекрасно тебя помню. Твой отец торговал шерстью и пряностями. Ты что, совсем страх потерял? Под чужим именем в Шпайере ходишь! Я сейчас же доложу о тебе в магистрат!

– Прошу, господин, не надо... – прошептал Давид, и в его голосе звучала неподдельная мольба.

Но Маттеус уже резко отвернулся и быстрым шагом направился в сторону городской ратуши. Давид на мгновение замер, ощутив, как холодная рука ужаса сжимает его сердце. Нельзя было допустить разоблачения.

Скользя в тени домов, Давид быстро догнал каноника в тесном, безлюдном переулке, выхватил нож и стремительным, но при этом плавным и точным движением всадил его прямо в сердце Маттеуса. Каноник тихо вскрикнул и, широко раскрыв глаза, медленно осел на землю.

Давид застыл над телом, слыша лишь гулкую тишину и бешеный стук собственного сердца. Его накрыла волна вины и стыда. Он никогда не убивал людей. А этот человек, хоть и надменный и злой, был не врагом, а всего лишь свидетелем его лжи. Он зажмурился, стараясь избавиться от нарастающей паники. Но выбора не было – долг был важнее. Спасти Ханну, спасти общину любой ценой. Давид убежал, растворившись в толпе, даже не оглянувшись на безжизненное тело в грязи.

На следующее утро город всколыхнулся. Тело каноника нашли неподалеку от еврейского квартала, и слухи разлетелись мгновенно. Толпа взволновалась, и шепот стал перерастать в шумные выкрики.

– Эти жида осмелели! – взревел мощным голосом кузнец Ганс, забравшись на деревянную бочку посреди рыночной площади. Его лицо покраснело от гнева, глаза сверкали безумием. – Уже святых отцов режут среди бела дня! Нет больше терпения! Сколько можно смотреть на их проклятые козни?

– Верно говоришь, Ганс! – отозвался кто-то из толпы. – Они во всем виноваты! Это жида в колодцах отравили! Из-за них чума идет!

– И деньги они наши воруют, проценты дерут, отъедаются и жиреют на нашей крови! – прокричал портовый грузчик, потрясая огромным кулаком. – Теперь ещё и убивают нас!

Толпа зашумела, как море в бурю. Люди обменивались гневными взглядами, кулаки сжимались, а ярость волной накрывала площадь.

– Пора с ними покончить! Пора очистить наш город от этой заразы! – крикнул кто-то из толпы.

– Правильно! – поддержал торговец мясом, подбрасывая в ладони тяжелый нож. – Они всегда были врагами Господа нашего! Теперь Господь посылает нам знаки – каноника убили прямо у их дверей! Они открыто бросили вызов нашей вере!

– Смерть жидам! – вопил уже весь народ. – Они не оставили нам выбора! За кровь нашего каноника они заплатят кровью!

Голос кузнеца Ганса зазвучал с новой силой, заглушая толпу:

– Братья мои, если мы сейчас не выступим, завтра жида нас всех перережут во сне! Сегодня ночью решится наша судьба! Или мы, или они! Вперёд, Шпайер, вперёд!

Толпа, охваченная гневом и безумием, двинулась к еврейскому кварталу, неся факелы и топоры, ножи и палки. По узким улочкам разнёсся громкий, угрожающий топот сотен ног, сопровождаемый воем и криками. Люди врывались в дома, выламывая двери и вышибая окна. Беспощадно били всех, кто попадался под руку, вытаскивая перепуганных женщин и детей на улицу. Кто-то швырнул факел в открытую дверь, но ему тут же дали по шее и затоптали огонь.

– Не жги, дурень! Гляди, весь город спалишь!

В ночи раздавались вопли ужаса и мольбы о пощаде, заглушаемые ревом погромщиков.

Кто-то волочил за волосы молодую женщину, кто-то бил сапожника Исаака, того самого, который на днях обещал пошить лучшие сапоги во всём Шпайере. Детский плач смешивался с хриплыми криками мужчин и визгом женщин. Дома ломали и грабили, вынося вещи, бросая их в грязь под ноги. Повсюду металась толпа, охваченная безумием, страстью к разрушению и мести, утопая в насилии и крови.

Давид узнал о погроме поздно, когда над городом раздались отчаянные крики. Он бросился на улицу, но остановился, сжав кулаки. Вмешаться значило выдать себя, обречь на еще большие страдания всех. От бессилия и боли ему хотелось кричать. Он свернул в темную подворотню и слушал, как рушатся двери домов, как кричат женщины и плачут дети. Его сердце разрывалось от чувства вины. Каноник умер от его руки, и это убийство разожгло безумие толпы.

Измученный и опустошенный, Давид вернулся в свою комнату и сел, закрыв глаза. Он начал медленно дышать, успокаивая разум и сердце, входя в медитацию, оставляя позади суету и боль материального мира – сефиры Малькут. Для этого он использовал технику под названием «Три выдоха». С первым выдохом он представил, как из головы «высыпаются» все мысли; со вторым – расслабил всё тело; с третьим – нужно было представить что-то приятное, и Давид вообразил, что гладит кошку. Он переместился в сефиру Есод, мир представлений и образов, а затем дальше, в Ход, мир ледяной рациональности, где эмоции исчезали, оставляя место холодной логике и ясности.

Здесь он разложил все по полочкам. Главная задача не изменилась. Он должен спасти общину и свою невесту Ханну. Ради этого он был готов пожертвовать не только жизнью, но и душой. Давид открыл глаза, вернувшись в материальный мир с новыми силами и решимостью. Он сделал всё правильно.

Вечером он снова отправился в порт и сел за стол в таверне «Серебряный якорь». Внезапно он вздрогнул. За соседним столом, в тусклом свете свечей, сидел Бенедикт, разговаривая с капитаном одного из кораблей. Он выглядел как слуга знатного господина, без бороды, но Давид узнал его безо всяких сомнений.

– Послезавтра на рассвете отплываем, – буркнул капитан. – Смотрите, не опаздывайте.

Давид хотел проследить за Бенедиктом, но что-то остановило его. В том, как держал кружку Бенедикт, как он чуть наклонял голову, в каждом его движении было что-то хищное и смертельно опасное. Давид сразу понял: если он пойдет за Бенедиктом, то непременно выдаст себя. Вместо этого он незаметно проследил за капитаном до его корабля. Теперь план был ясен. Послезавтра рано утром, на тесных, узких улочках портового района, Давид встретит их и выполнит свой долг. Он медленно вдохнул прохладный ночной воздух и тихо растворился в темноте.

Глава 12. Схватка

Утро встретило нас теплом и звонким щебетом птиц за маленьким окном нашей комнаты. Проснувшись, я сразу ощутил, как болят мышцы после вчерашней тренировки, и с трудом встал с постели. Отец Бенедикт уже бодро ходил по комнате и, увидев меня, удовлетворённо улыбнулся.

– Вставай, сын мой, – сказал он с мягкой усмешкой, – ныне ждёт нас много работы.

Он договорился с трактирщиком, услужливым и вечно улыбающимся, о том, что мы сможем тренироваться с мечами в маленьком, глухом дворике позади постоянного двора. Трактирщик за пару лишних монет обещал никого туда не пускать, даже любопытных мальчишек.

Тренировки наши были изматывающими. Бенедикт двигался легко и быстро; казалось, он никогда не устаёт. Я же очень скоро покрывался потом, моё дыхание сбивалось, а руки начинали дрожать.

– Слушай меня, Иероним! – говорил он строго, – Ты слишком стараешься ударить сильнее. Не в силе дело! Сильный удар всегда медленный, предсказуемый. В бою на мечах побеждает тот, кто быстрее. Двигайся на ногах, двигайся непрерывно! Дистанция – твоя лучшая защита. Если враг не достанет тебя, тебе не придётся даже парировать. Любой удар, который ты отбиваешь мечом, может стоить тебе пальцев или даже жизни. Учись защищаться шагами!

И он заставлял меня двигаться снова и снова, до тех пор, пока моя голова не начинала кружиться, а ноги – подкашиваться.

На следующий день, ещё не оправившись от усталости, мы снова отправились в еврейский квартал за заказанной одеждой и сапогами. Сапожник Исаак встретил нас широкой улыбкой и привычной ему хитровой вежливостью.

– О, господин Фридрих! И Манфред, дорогой, шалом алейхем! – проговорил он, разводя руками и низко кланяясь. – Всё готово, всё приготовлено, как обещано!

И действительно, одежда была безукоризненна, плащи тяжелы и плотны, а сапоги – на удивление мягки и удобны, они словно обнимали ноги, придавая лёгкость походке.

– Ах, дорогие господа, – говорил Исаак, поглаживая бороду и лукаво щурясь, – пусть эти сапоги несут вас к доброй удаче, и пусть ноги ваши никогда не знают усталости. Ведь мы, бедные евреи, умеем работать – не то что некоторые швабы, что делают обувь, словно деревянные колодки. И ходить невозможно, а стоит – ого-го сколько!

Мы тепло попрощались и отправились обратно в трактир. Вечером следующего дня, отдыхая в общем зале, мы услышали разговор за соседним столом.

– Ну что, видал вчера? – хриплым голосом спросил один здоровенный бюргер в кожаном фартуке. – Как не видеть! – подхватил другой, помоложе. – Вот это была потеха! Надавали жидам от души, вмиг сбили с них всю спесь. – Да, и девку их, сапожникову дочку, тоже пощупали, – мерзко рассмеялся третий. – Пусть знают, кто здесь хозяин. Обнаглели совсем, жизнь честным людям портят, не дают вздохнуть спокойно.

Мне стало не по себе. Я посмотрел на Бенедикта. Он хмурился и молчал, крепко сжимая кружку с элем.

На другой день мы отправились к кузнецу Людвигу. Он встретил нас серьёзно и мрачно, сразу заговорив о случившемся.

– Погром этот, – произнёс он, помогая нам облачиться в новые бригантины, – грязное дело. Вместо того чтобы ремесло своё улучшать да товары делать такие, чтоб весь город рад был, они что делают? Вламываются, грабят, бьют да ломают. Жидовских мастеров боятся, вот и решили избавиться. Только честь ли это? У кого товар лучше – у того и покупай. Нет, им надо уничтожить того, кто лучше умеет. Дело дрянное, без чести, без правды.

Бригантины, однако, были выше всяких похвал. Пластины сидели точно, защита казалась неуязвимой, а скрытые карманы и крючки радовали разумностью. Я чувствовал себя странно и непривычно в этой броне, хотя она и не была чрезмерно тяжёлой. Вечером я ещё долго двигался в ней на заднем дворе с мечом, постепенно свыкаясь с новой одеждой и снаряжением.

Наутро мы навьючили лошадь и отправились в порт. Отец Бенедикт был серьёзен и сосредоточен.

– Нехорошие у меня предчувствия, – проговорил он тихо. – Вчера вечером я встречался с капитаном Отто, и показалось мне, будто за мной наблюдает один человек, похожий на купца, а по повадкам – то ли головорез, то ли рыцарь. Да и руны твердят одно – будь настороже!

Мы свернули с обычной дороги и сделали большой крюк, выйдя к порту с другой стороны, через тесные и грязные переулки. Внезапно Бенедикт замер. Перед нами, шагах в тридцати, появился человек с арбалетом, и мы поняли, что он ждал нас, только с другой стороны. Это и спасло.

Арбалетчик развернулся и выстрелил. Бенедикт успел чуть сместиться вправо, и болт, угодив в его грудь по касательной, застрял в плаще, оставив лишь царапину на стальной пластине брони мастера Людвига. Незнакомец отбросил арбалет, выхватил короткий меч и ринулся вперёд.

Бенедикт сделал шаг навстречу, руны на его клинке вспыхнули в лучах восходящего солнца, и воздух наполнился звоном стали. Улица была узка, я стоял у него за спиной, не имея возможности обойти врага сбоку. Нападавший уступал в мастерстве Бенедикту, но был чрезвычайно ловок, стремителен и неуловим. Он бросался в атаку, нанося быстрые удары, и тут же отступал, избегая ответного удара Бенедикта.

Бенедикт отразил все атаки – легко смещался, отбивал клинок, хищно улыбаясь. В какой-то момент он шагнул навстречу, оказавшись вплотную к противнику. Удар его был нацелен в лицо нападавшего, но тот успел увернуться – и тут же нанёс укол спрятанным в левой руке кинжалом в бок Бенедикта. Кинжал сломался, со звоном ударившись о пластину бригантины.

В этот миг я, наконец, нашёл момент, вынырнул из-за плеча Бенедикта и стремительно атаковал. Клинок вошёл в бок нашего врага, кровь потекла по лезвию. Бенедикт тоже ударил мечом, но нападавший уже отскочил, и, прижимая ладонь к ране, бросился бежать. По дороге он подхватил свой арбалет и скрылся за углом. Бежал он невероятно быстро, и мы сразу поняли, что не догоним его.

Мы не стали задерживаться, поспешно двинулись к причалу – и вскоре поднялись на палубу «Чёрного лебедя» капитана Отто. Палуба скрипела под ногами, пахло дёгтем, смолой и свежим деревом.

Сердце моё бешено стучало и ещё долго не могло успокоиться. Бенедикт, нахмурившись, смотрел на город, над которым вставало солнце. Я тяжело вздохнул и обернулся к наставнику.

– Теперь я понял твои слова. Скорость и дистанция.

– Хорошо, что понял, – ответил он спокойно и добавил, глядя вдаль: – А ведь это был еврей.

– Еврей?! – изумленно воскликнул я. – Никогда бы не подумал. Чем мы евреям-то помешали?

Бенедикт пожал плечами. Тем временем корабль качнулся, и мы двинулись на север по тёмным водам Рейна, навстречу неизвестности.

Глава 13. Внутренний свет

Комната, снятая Давидом на окраине Шпайера, была тесной, сумрачной, пропитанной запахом сырости и старого дерева. Через мутное оконце проникал тусклый свет, едва ли способный рассеять густые тени по углам, и это было хорошо – никто не видел, как бледны были щеки Давида и как дрожали пальцы его рук, когда он аккуратно, стиснув зубы от боли, зашивал себе рану.

Она оказалась не слишком глубокой, но коварной, болезненной, и, главное – он потерял много крови. Кровь, драгоценная и жизненно важная, уходила, утекая меж пальцев, и вместе с ней уходила прежняя уверенность в том, что он неуязвим и быстр настолько, что ни один враг не сможет его поразить.

Он всё сделал сам, привычно, спокойно, как учил его отец – он очистил рану, промыл её настоем зверобоя и тысячелистника, приложил мягкие повязки из чистой ткани. Затем осторожно натянул чистую рубаху и тяжело лёг на скрипучую кровать.

Три письма были написаны с трудом, но старательно и четко. Первое – преосвященному епископу Констанцскому:

«Ваше преосвященство, Пишу вам со скорбью и печалью, ибо пока не выполнил порученное вами. Беглых монахов, отступников и нечестивцев, я отыскал в Шпайере и даже вступил с ними в схватку. Однако злодеи оказались проворными и сильными, и хотя я ранил одного из них, сам был ранен и не смог их остановить. Ныне беглецы направляются по Рейну в Кёльн, куда и я отправлюсь, едва только окрепну. Умоляю вас, защитите мой народ от беды! Ваша милость – единственное, на что мы можем надеяться. Клянусь, что не опущу рук, доколе головы беглецов не лягут вам под ноги. Ваш верный и покорный слуга, Зигфрид Штайнер из Базеля.»

Второе письмо было адресовано отцу, Меиру. Язык письма был сдержанным и деловым: «Любимый мой отец!

К сожалению, не удалось мне здесь, в Шпайере, взять тот товар, о котором я говорил. Придется отправляться далее по реке в Кёльн, чтобы закончить дело. Не беспокойся обо мне, я сумею позаботиться о себе, лишь бы ты и наши близкие были в здравии и покое. Твой сын, Д.»

Третье письмо – самое трудное, Ханне, и писал он его долго, со слезами, что капали на грубый пергамент, расплываясь каплями тоски и любви:

«Ханна, душа моя и свет моих очей!

Я пишу тебе из тени беды, что постигла меня. Ты знаешь, за чем я отправился – за звездой, что указывала путь. Но я упал и не смог её достичь. Я ранен, хоть и не тяжело, но теперь не знаю, сумею ли завершить начатое. Не жди меня здесь, любимая, не жди в Констанце – уезжай в Страсбург немедля, прошу тебя, умоляю. Сердце моё разрывается при мысли о том, что не защищу тебя, но спасение твоё – самое важное, что у меня осталось. Береги себя ради меня. Твой Д.»

Дни текли медленно. Давид лежал, постепенно приходя в себя, и выполнял древнюю практику хитбоненут, которой его научил отец. Он закрывал глаза, дышал глубоко и ровно, ощущая боль в ране – и затем медленно начинал погружаться в созерцание. Вначале он проводил лучом внимания по всему телу, от пальцев ног до макушки головы, и тело как бы растворялось, становилось тяжёлым, тёплым и расслабленным. Он ощущал тяжесть и боль своего тела, это была сефира Малькут – сфера материи, боли и страдания. Он принимал эту боль, понимая, что страдание – это всего лишь затемнённый участок его внутреннего мира, куда ещё не проник божественный свет.

Затем, поднимаясь вниманием выше, он представлял себе яркий, чистый поток белого света, исходящий от самого Господа, через сефиру Кетер, и этот свет, постепенно проходя

через другие сфeиры, наполнял его тело и стекал прямо в рану. Он шептал священные слова: – Йехи Ор – да будет свет...

И видел, как свет, тончайший луч, проникает в поврежденные ткани, как он мягко и бережно очищает рану, успокаивает воспаление, закрывает и исцеляет её. Каждый день Давид повторял эту практику, и тело быстро восстанавливалось.

Но оставалось много времени, и мысли его были горькими и тяжёлыми. Он не мог забыть, как впервые в жизни природные ловкость и быстрота, его естественное преимущество перед другими людьми, вдруг оказались бессильны против опыта, техники и холодной уверенности этого старого монаха – отца Бенедикта. Он ясно видел, как просто и слаженно действовали его противники и как его скрытый кинжал, его верный приём, потерпел крах. Если он снова бросится в бой с мечом против этих двоих, он не выживет. Значит, нужно учиться владеть оружием, но где, у кого и когда? Эти вопросы не давали ему покоя.

И ещё одна мысль мучила его – что-то ускользало от него во всей этой истории, что-то очень важное, что могло перевернуть его понимание происходящего, но что? Он не мог ухватить этот ускользающий смысл.

Наконец, мучимый вопросами, он перешёл к размышлениям о Боге. Если всё сущее есть Эйн Соф, Бесконечность Господа, откуда берутся зло, погромы, болезни, страдания? Почему мир несовершенен, почему конечность и бесконечность могут сосуществовать?

И постепенно в сознании Давида проявилась удивительная догадка. Первичным актом творения стало не изливание света, а наоборот, его отступление. Бог словно сжался, отступил, освободил место внутри Себя, создав пустоту, в которой и возник мир. Лишь затем в эту пустоту был направлен тонкий луч света – кавав, начало эманации, породивший все остальные сферы. Значит, мир возможен только потому, что Бог сознательно «умалил Себя», чтобы дать жизнь другому, несовершенному и ограниченному. И значит, что всякий, кто добровольно ограничивает себя, жертвует чем-то во имя другого – уподобляется самому Господу. Значит, действия, совершённые не ради себя, а ради другого, ближе к сути божественного света, а потому действеннее, сильнее и чище.

Давид записал эти мысли, удивляясь и волнуясь, чувствуя, что они важны не только для него одного.

На пятый день после ранения, крепкий и готовый продолжать свою погоню, он направился в порт. Ему повезло – корабль с названием «Ласточка» отправлялся наутро в Кёльн. Судно было изящным, узким и быстроходным, окрашенным в тёмно-коричневые тона с белыми полосами вдоль бортов. Паруса его были чистыми, белоснежными, нос украшал резной образ ласточки, словно летящей над водой.

Капитан, старый и тощий человек с хитрыми глазами, согласился взять на борт купца Зигфрида Штайнера и его кобылу. И теперь, глядя на прозрачно-зелёные воды Рейна, Давид чувствовал, как судьба снова несёт его навстречу неясному и тревожному будущему, но теперь с новой, ещё не вполне понятной, внутренней опорой.

Глава 14. Тень под солнцем

Письмо Давида Ханна получила на рассвете. Она читала, стоя в холодной тени каменных стен отцовского дома, и каждое слово, выведенное его рукой, медленно погружалось в её сердце, будто зазубренный нож.

Давид был краток. Он не просил о помощи, не жаловался на боль или страх, только сообщал, что он ранен, но жив, и что цель его остаётся неизменной – отрезать головы беглым монахам и доставить их епископу Ульриху. Он писал, что, скорее всего, погибнет, ибо понял, что монахи превосходят его не силой, но разумением и искусством владения мечом. Он просил её срочно уехать в Страсбург, чтоб хотя бы она была в безопасности, и закончил письмо коротким, горьким благословением.

Ханна дочитала, и её руки задрожали.

Она спешно направилась к дому Меира бен Элиэзера, отца Давида. Старый еврей молча выслушал её, а потом передал ей своё письмо, написанное тем же почерком. Давид просил отца принять меры, защитить общину, позаботиться о людях, потому что шансов на успех было мало, а без голов монахов епископ мог истребить евреев Констанца, мстя за неисполненное условие.

Из этого письма Ханна узнала, что Давид направился в Кёльн.

– Он обречён, – сказала Ханна, сложив письмо. – Они убьют его.

Меир только покачал головой.

Ханна вернулась домой к отцу. Менахем устало слушал её, сидя за своим столом, заваленным свитками и книгами. Дом давно уже готовился к переезду в Страсбург, но тот всё откладывался и откладывался.

– Я должна ехать в Кёльн, – твёрдо сказала Ханна. – Там наши родные, они примут меня. Я должна остановить Давида, иначе он погибнет.

Менахем сперва даже не ответил. Лишь после долгого молчания поднял на неё строгие глаза.

– Кёльн далеко, дорога опасна. Ты не доедешь, а если и доедешь, то слишком поздно. Что если Давид к тому времени покинет город? Где ты станешь его искать? Зачем тебе это безумие? Я не позволю.

Но она была упряма и не отступала, и он наконец сдался – потому, что любил её, и потому, что не мог больше спорить. Тогда он послал за Эльхананом бен Реувеном из Меца, человеком, известным своей учёностью и благочестием, преподавателем Талмуда, торговцем редкими благовониями и дорогими тканями. С виду этот человек был совершенством: тихий, образованный, почтительный, с безупречными рекомендациями. Он вызывал доверие.

Эльханан согласился сопровождать Ханну до Кёльна, и утром следующего дня они отправились в путь на телеге, нагруженной товарами и книгами. Ханна, обнимая отца, чувствовала странный озноб, и слёзы жгли ей глаза, будто она прощалась навсегда.

– Будь умницей, Ханна, и возвращайся скорей, – шепнул отец.

– Я вернусь, – обещала она – и сама не поверила своим словам.

Эльханан, вначале тихий и сдержанный, постепенно начинал показывать своё истинное лицо. В первые часы пути он почти не разговаривал, лишь иногда задумчиво поглядывал на Ханну, будто пытаясь что-то понять. Она чувствовала его взгляд и старалась убедить себя, что это просто беспокойство опытного путника, стремящегося понять, какую попутчицу ему доверили. Но вскоре ей стало ясно, что это не просто интерес. В нём сквозила иная, скрытая сущность – тёмная, вязкая и опасная, словно глубокая яма, скрытая под сухой листвой.

Сначала были только взгляды: пристальные и молчаливые, которые он поспешно отводил, стоило ей встретиться с ним глазами. Но постепенно взгляды стали смелее и дольше.

Ханна не могла избавиться от неприятного ощущения, будто он мысленно изучает её фигуру, очертания её тела, скрытые под плотной дорожной накидкой, как опытный купец рассматривает товар, примеряясь, сколько тот стоит и стоит ли вообще хоть что-то.

Через день, когда они остановились на ночлег на тихой поляне, он впервые позволил себе заговорить иначе. У костра он начал рассказывать о своей жизни, перемешивая цитаты из Талмуда с удивительно вульгарными шутками. Он следил за её реакцией, и, видя, как она опускает глаза или нервно поправляет край плаща, лишь улыбался, слегка наклоняя голову в сторону и словно бы размышляя о чём-то своём.

На следующее утро его поведение изменилось ещё сильнее. Он подсел ближе на повозке, хотя места было достаточно. При каждом резком толчке колеса его плечо или бедро словно невзначай касалось её руки, заставляя внутренне вздрагивать и напрягаться. Сначала она думала, что это случайность, но вскоре поняла: он нарочно ищет возможности прикоснуться к ней, проверяя, где граница её терпения.

– Тебе холодно, Ханна? – спросил он тихо, когда повозка остановилась на привал в полдень. Он подал ей плащ, но сделал это так, что его пальцы задержались на её плече чуть дольше, чем было необходимо. Она вздрогнула и отодвинулась, пытаясь подавить внезапный приступ отвращения.

– Нет, благодарю, – ответила она ровно, стараясь не выдавать волнения. Но он улыбнулся так, словно её реакция доставила ему удовольствие.

Теперь каждое его слово звучало иначе, и даже невинные вопросы о дороге, о погоде, о планах на ночлег вдруг начали казаться ей отвратительными, наполненными двойным смыслом и скрытой угрозой. Он уже не прятал свой взгляд и иногда смотрел на неё так долго и нагло, что ей приходилось отворачиваться или закрывать лицо капюшоном, лишь бы избежать этого жадного, плотоядного взгляда.

На четвёртый день пути, ближе к вечеру, они остановились в густом и глухом лесу. Эльханан разжёг костёр и долго молча смотрел в пламя, о чём-то размышляя. Потом он заговорил, не поворачиваясь к ней, но голос его стал грубее, ниже, полным скрытой угрозы.

– Ты знаешь, Ханна, я долго жил в одиночестве, – произнёс он доверительно. – И понял, что мудрецы ошибаются. Мужчина не должен жить один. Это противоестественно. Ему нужен кто-то, кто сумеет согреть его холодные ночи, наполнить дом теплом и любовью.

Она не ответила. Сердце её начало биться быстрее, дыхание участилось. Она поняла, что попала в ловушку, из которой не было простого выхода.

Эльханан медленно поднялся и подошёл к ней. Свет костра высвечивал его лицо снизу, придавая ему пугающее выражение. Он улыбнулся и заговорил уже совсем другим голосом – тихим, хриплым, почти интимным:

– Ты очень красива, Ханна. Ты словно дорогая ткань, к которой приятно прикоснуться. Я не понимаю только одного – почему ты так холодна?

Она попыталась отстраниться, но он грубо схватил её за плечо и, прежде чем она успела отшатнуться, наотмашь ударил её по лицу. От боли и неожиданности Ханна вскрикнула. Он усмехнулся, наклоняясь к ней ближе, уверенный в своей победе.

И тогда она сделала то, чего он не ожидал: вместо того, чтобы вырваться, она вдруг улыбнулась ему ласково, тепло, будто принимая его домогательства.

– Ну вот, другое дело, – прошептал Эльханан, и в его голосе звучала самодовольная насмешка.

Ханна осторожно провела рукой по его груди, словно подчиняясь. Легко и тихо, незаметно для него, пальцы её скользнули вниз, извлекли длинный, острый нож, скрытый в складках её платья. Этот нож подарил ей Давид когда-то очень давно и научил с ним обращаться. Станный подарок странного человека, но за эту странность она и любила его так сильно.

Когда Эльханан наклонился к ней, она плавно, без малейшего сомнения, всадила лезвие в его сердце с точностью хирурга и уверенностью палача. Он судорожно дёрнулся, глаза его расширились от ужаса, но Ханна не отвела взгляда, глядя прямо ему в лицо и испытывая внезапное жестокое наслаждение.

Когда он упал к её ногам мёртвым, Ханна, застыв, ощутила вдруг испуг – не от убийства, а от того наслаждения, от силы, которая овладела ею в тот миг.

– Я – чудовище? – шепнула она себе.

Затем спокойно и аккуратно очистила нож, спрятала его, забрала из кошелька мёртвого Эльханана деньги – их оказалось неожиданно много. Тело оттащила в овраг, туда же столкнула телегу, распрягла лошадь и отправилась в Базель.

Ханна

В воротах города её встретили стражники – двое усталых мужчин в кольчугах, покрытых дорожной пылью. Один из них, пожилой и грубый, взглянул на Ханну с ленивым любопытством. Другой, помоложе, осторожно положил ладонь на рукоять меча.

– Стой, девушка, – произнёс пожилой стражник негромко, но твёрдо. – Кто такая? И куда путь держишь?

Ханна опустила глаза, собираясь с мыслями, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и сердце начинает болезненно стучать в груди. Она вздохнула, словно преодолевая усталость, и тихо начала говорить заранее приготовленные слова:

– Мир вам, господа. Меня зовут Грета. Я из маленькой деревни под Констанцем.

– Грета? – переспросил стражник, внимательно оглядев её фигуру и лицо, остановив взгляд на свежем синяке, темневшем на её левой щеке. – Что же случилось с тобой, Грета из деревни под Констанцем? Отчего ты одна и без седла на лошади едешь?

– Господа мои, это горькая и страшная история, – голос её слегка дрогнул. – Я ехала с возницей, моим соседом из деревни, и везла эту лошадь моему дядюшке Каспару, кожевнику в вашем городе. У вас здесь ярмарка ведь скоро? Я везла её на продажу. А по дороге, в лесу, на нас напали разбойники. Они убили моего спутника. Мне кое-как удалось сбежать. Видите, и лицо моё не пощадили, – она осторожно коснулась синяка пальцами.

Стражники переглянулись. Молодой, казалось, был тронут её рассказом, пожилой нахмурился.

– Каспар, кожевник, говоришь? – уточнил он.

– Да, кожевник. Мой дядя живёт в предместье, недалеко от Речной улицы, – голос Ханны звучал тихо, почти обречённо, и это подействовало на стражника.

Он кивнул, махнул рукой в сторону ворот:

– Проезжай, бедняжка. Не задерживайся. И в следующий раз будь осторожнее.

Ханна тихо поблагодарила, склонила голову и въехала в город, чувствуя облегчение и одновременно смятение.

Город Базель оказался значительно больше Констанца, и, проезжая по его улицам, она невольно залюбовалась красотой и мощью его стен и башен. Каменные дома теснились друг к другу, узкие улочки расходились веером, поднимаясь вверх, к величественному собору из красного песчаника. Всюду кипела жизнь – торговцы громко зазывали покупателей, ремесленники трудились, не обращая внимания на прохожих, пахло дымом, пряностями, свежим хлебом и жареной рыбой.

Ближе к рынку толпа стала плотнее, и Ханна замедлила шаг, ведя лошадь за собой и внимательно осматриваясь. На площади перед рынком она увидела разноцветный шатёр, окружённый толпой горожан. На деревянном помосте стоял человек в ярко-красном колпаке с колокольчиками, выкрикивая звонким голосом:

– Только сегодня, только для вас – бродячий цирк, труппа мадам Розы! Чудеса, жонглёры, канатоходцы, гадания и огненные трюки! Завтра цирк отправляется в Кёльн! Последний вечер, не упустите!

На вывеске, намалёванной красным на белом полотне, было написано: «Compagnia della Strega Rossa», что означало «Труппа Красной Ведьмы».

Ханна невольно задержала взгляд на артистах, репетировавших неподалёку: яркие костюмы, пёстрые шарфы и шутовские колпаки мелькали перед глазами. Запах соломы и свежей краски защекотал ноздри, и Ханна ощутила неясную тоску и зависть к их свободе, лёгкости и беззаботности.

Отвернувшись, она направилась в еврейский квартал, который был укрыт в тени узких улиц и старых домов с нависающими вторыми этажами. Там пахло специями, кожей и старинными книгами, а ещё дымом и сыростью.

Дом дяди Элиэзера бен Натана был большим и крепким. Когда Ханна вошла, он встал навстречу ей, высокий и строгий, с тёмной бородой и внимательными глазами, умными, но беспокойными. Он обнял её, но сразу отстранился, заметив синяк.

– Что случилось, Ханна? – спросил он строго и тревожно. – Какими судьбами? И почему одна?

Она рассказала ему всё от начала до конца, не скрывая ни убийства аббата, ни безумного требования епископа, ни миссии Давида, ни нападения Эльханана и его смерти от её руки. Дядя слушал, и лицо его становилось всё мрачнее, пока, наконец, не побледнело от ужаса.

– Боже милосердный, – прошептал он, – что за безумие? Евреи убивают евреев, преследуют гойских монахов по приказу христианского епископа? Если эта история выйдет наружу, нам всем конец! Ты хоть понимаешь, что натворила?

– Я должна ехать в Кёльн, – с отчаянием сказала Ханна. – Давид погибнет, если я не остановлю его.

– Остановить? Ты, женщина? Ты и так уже наделала бед! Как ты вообще могла убить мужчину, одна, в лесу? Ты хоть сознаёшь, какой ужас навлечёшь на общину, если гои узнают? Нет, Ханна, ты больше никуда не поедешь. Я выдам тебя замуж здесь, в Базеле, вот хотя бы за Ицхака бен Шимона. Человек он солидный, надёжный, вдовец... Ты останешься здесь и забудешь о своём безумии!

Ханна замолчала, сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Она поняла свою ошибку, поняла, что помощи ждать неоткуда, и опустила голову, изображая смирение и покорность.

– Ты прав, дядя, – тихо сказала она, – я была глупа и легкомысленна. Вся эта история ужасно напугала меня, ты не представляешь, как сильно! Спасибо за твою заботу и мудрость. Я поступлю, как ты скажешь.

Элиэзер внимательно посмотрел на неё, затем смягчился и похлопал её по плечу:

– Хорошо, дитя. Отдохни. Завтра всё обсудим.

Ночью она заснула, совершенно вымотанная, и видела странные сны. Цирк, манеж, яркие костюмы артистов, их лица и смех снова и снова появлялись перед её глазами. Она просыпалась и вновь засыпала, и снова видела себя среди них – на арене, свободной и бесстрашной.

Перед рассветом Ханна проснулась окончательно. Она лежала, глядя на тёмные балки потолка, и ясно понимала, что выбора нет. Нужно идти дальше во что бы то ни стало. Тихо поднявшись с постели, она аккуратно пересчитала деньги, спрятала нож в складках платья и бесшумно вышла из дома в серый туман утра, глубоко вдохнув влажный воздух Базеля.

Глава 15. Корабль, плывущий в ночь

В маленькой мастерской, скрытой в глубине еврейского квартала Шпайера, всегда пахло свежей кожей, тёплой восковой смазкой, сухими травами и чем-то неопределённо уютным, отчего сердце невольно успокаивалось. Лавку держал Исаак, человек лет сорока пяти, невысокий и крепкий, с грубыми ладонями мастера и глубокими морщинами на лице. Он славился как сапожник искусный и надёжный. Заказчиков было немало: и евреи, и христиане приходили к нему, зная, что у Исаака сапоги будут пошиты вовремя и на совесть.

Мириам

Его единственная дочь, Мириам, была словно соткана из воздуха и тонких серебряных нитей. Её нежное лицо, светлое и трогательное, с большими серыми глазами и мягкими ресницами, казалось ангельским, неуместным среди суровой повседневности мастерской. Волосы цвета тёмного мёда были собраны в аккуратную косу, скромное платье подчёркивало её стройную фигуру. Никто бы не подумал, что эти тонкие пальчики способны на искусную работу с кожей, вышивку или изящное тиснение узоров на сапогах богатых заказчиков.

Отец учил её читать и писать – редкость для девицы, особенно еврейки. Она вела записи, разговаривала с покупателями, и от её тихой улыбки лавка Исаака казалась особенно приветливой.

С самого детства её жизнь была связана с Ашером бен Хаимом, сыном лавочника. Ашер был сильный, весёлый и умный парень, с лукавой улыбкой и тёплыми карими глазами. Он всегда защищал её от чужих насмешек, вёл за руку в синагогу и приносил ей медовые пирожки, завернутые в грубую ткань. Их обручение не было официальным, но все знали: скоро будет свадьба, и Исаак, наконец, вздохнёт спокойно.

Но однажды мир перевернулся.

В тот чёрный день, когда толпа обезумевших от ненависти людей ворвалась в еврейский квартал Шпайера, всё пошло прахом. Хруст стекла, треск дерева, крики и плач – кошмар смешался с дымом и кровью. Исаака, пытавшегося заслонить дверной проём, били ногами, и он упал, обхватив голову руками, моля Всевышнего о пощаде. А потом чей-то грязный, тяжёлый сапог наступил ему на лицо, и мир стал тёмным и тихим.

Когда Исаак очнулся, дом был разгромлен, а мастерская опустошена. Мириам лежала в углу в разорванном платье. Лицо её было бледнее мела, глаза пусты и сухи. Отец, шатаясь, подошёл к ней – и вдруг всё понял. Горе и бессилие свернулись в его груди таким невыносимым клубком, что он размахнулся и ударил её по щеке:

– Лучше бы ты умерла!

Она ничего не ответила, даже не заплакала, лишь закрыла глаза.

Ашер бен Хаим больше не приходил. Время шло, но дверь дома Исаака оставалась закрытой, словно тяжёлая завеса, отделившая их от прежней жизни. Отец чувствовал, как невидимая нить, связывающая их с соседями и друзьями, медленно рвётся, превращаясь в тонкую, болезненную струну, которая резонировала при каждом косом взгляде, каждом приглушённом слове за спиной.

На другой день после погрома Исаак встретил Ашера у синагоги, после вечерней молитвы. Солнце уже скрылось за крышами домов, тени вытянулись длинными полосами по мостовой, и прохлада вечера медленно проникала под одежду, словно подчёркивая внутренний холод.

– Ашер, – позвал его Исаак, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и твёрдо. Юноша остановился, словно споткнувшись о собственное имя, но не повернулся сразу. Исаак подошёл ближе, ощущая, как сердце ускоряет свой бег, а руки слегка дрожат. Он боялся услышать то, что уже было неизбежно.

– Поговори со мной, Ашер. Ты нужен Мириам сейчас, как никогда прежде. Она ждёт тебя.

Юноша медленно повернулся. Взгляд его был опущен вниз, лицо наполовину скрыто вечерней тенью, но было заметно, как побелели его губы, сжатые в тонкую линию.

– Теперь она нечистая, Исаак, – произнёс он тихо. Каждое слово было будто камень, упавший в глубокий колодезь. – Она – невеста для собак.

Исаак замер, словно получив невидимый удар прямо в сердце. Слова эти были не просто жестокими – они были холодными, чужими, словно исходившими из уст совсем другого человека, а не того Ашера, которого он знал с детства.

– Как ты можешь говорить такое? – голос Исаака сорвался на крик. Отчаяние прорывалось наружу, несмотря на все его усилия сохранить достоинство. – Разве она виновата в том, что сделали гои? Разве ты не видишь её боли, разве не понимаешь, что теперь она нуждается в тебе больше всего на свете?

Ашер поднял глаза, и Исаак увидел в них только пустоту, словно кто-то вынул из них жизнь и тепло.

– Видеть? Понимать? – слова Ашера звучали теперь ещё жестче и холоднее. – Что мне видеть, Исаак? Позор, которым будет покрыта вся моя семья? Или шёпот соседей, когда я пройду мимо? Нет, больше мне нечего видеть.

Он отвернулся и пошёл прочь. Исаак смотрел ему вслед, чувствуя, как мир вокруг медленно превращается в камень, холодный и безжизненный. Он стоял неподвижно, будто пытаясь остановить время и вернуть всё обратно, но понимал, что время необратимо, а путь назад закрыт.

На следующий день он увидел, как соседи отворачиваются от него, едва встретившись глазами. Он слышал шёпот, который превращался в шум в его голове, и видел, как дети, которых он угощал конфетами, теперь показывают пальцем на его дом и шепчут друг другу что-то непонятное и жестокое.

Среди всего этого лишь раввин Элизер, старый и мудрый человек, попытался вернуть хоть какое-то тепло в охладевшие сердца.

– Послушайте меня, – сказал он тихо, обращаясь к собравшимся у синагоги. – Вина не на девушке, а на гоях, сотворивших зло. Она жертва, а не преступница. Будьте милосердны, вспомните заповедь любви и сострадания!

Люди кивали, соглашались с ним, но Исаак видел – слова раввина падали на камни, не проникая в сердца. Отношение соседей изменилось раз и навсегда. Мириам стала чужой, отверженной, словно её жизнь и она сама потеряли всякую ценность. Исаак вернулся домой, чувствуя, как в его груди сжимается тяжёлый комок бессилия и отчаяния. Воздух вокруг словно исчез, оставив его задыхаться в пустоте, созданной жестокостью и равнодушием.

Тогда Исаак решился. Он продал за бесценок то, что осталось, собрал скудные пожитки и сказал Мириам:

– Уходим. Здесь нам больше не жить. У меня родня в Кёльне, там не знают о твоём позоре. Она молча кивнула, покорно взяв в руки небольшой узелок с одеждой.

Исаак купил места на корабле под названием «Чёрный лебедь». Название казалось ему мрачным предзнаменованием, хотя, возможно, он просто уже во всем искал дурные приметы. С самого начала путешествия атмосфера на борту была напряжённой, и воздух, казалось, вибрировал от неприязни и молчаливого презрения. Других евреев среди пассажиров не оказалось. Взгляды их, холодные и колючие, цеплялись за лица Исаака и Мириам, словно стараясь проникнуть под кожу и причинить незримую боль.

За час до отплытия на палубу поднялись двое мужчин. Исаак сразу узнал их – несколько дней назад они заказывали у него сапоги. Первым на борт взойшёл молодой дворянин Фридрих фон Таль – высокий, стройный, с гордой осанкой и выражением властности на лице. Следом за ним шагал его старый, но широкоплечий и мощный слуга Манфред, ведя в поводу вороную кобылу изумительной красоты и стати. Оба путника выглядели потрепанными и оживлённо переговаривались, не замечая взглядов, которые пассажиры бросали в их сторону, ловя каждое слово.

– Теперь я понял твои слова. Скорость и дистанция, – сказал Фридрих.

– Хорошо, что понял, – ответил Манфред и добавил, глядя вдаль, в сторону порта: – А ведь это был еврей.

– Еврей?! – изумленно воскликнул Фридрих. – Никогда бы не подумал. Чем мы евреям-то помешали?

Исаак замер. Он почувствовал, как дыхание его перехватило, а сердце забилось чаще. Слова Фридриха были произнесены слишком громко – они словно упали в толпу тяжёлым камнем, порождая волны настороженности и негодования.

Взгляды пассажиров стали жёстче, холоднее, и Исаак понял – эта ночь не закончится спокойно. В его душе нарастала паника, тонко и мучительно растягиваясь по нервам. Он взглянул

на дочь – Мириам стояла неподвижно, глаза её смотрели в пространство, и ничто, казалось, не могло её тронуть.

Наступил вечер, сумерки опустились на палубу, принося с собой сырость и холод, усиливший тревогу в сердце. К этому времени пассажиры изрядно выпили, смех и грубые шутки звучали всё чаще, а взгляды становились всё злее и смелее.

Внезапно раздался голос здорового кузнеца Ганса с красным от выпитого лицом и густой бородой, в которой застряли крошки еды. Он демонстративно плюнул себе под ноги и медленно повернулся к Исааку и Мириам, громко и насмешливо произнося:

– Ну и долго нам плыть с этими жидами? – он выдержал паузу, и толпа замерла, ожидая продолжения. – Я говорю, бросить их за борт, и дело с концом!

Его слова словно разожгли толпу. Раздались одобрительные выкрики, кто-то захохотал, а кто-то начал угрожающе двигаться в их сторону.

Капитан Отто шагнул вперёд, пытаясь успокоить собравшихся:

– Постойте! Они пассажиры, деньги платили!

Но кузнец Ганс подошёл ближе, его громадный кулак взметнулся перед лицом капитана:

– Ты, капитан, в наши дела не лезь, а мы в твои не полезем!

Толпа поддержала его криками и ругательствами. Гул нарастал, становясь почти невыносимым. Исаак упал на колени, слёзы отчаяния катились по его лицу, и голос, дрожащий от страха, прорезал воздух:

– Ради Господа, пощадите нас! Мы сойдём в Майнце, клянусь вам!

Но толпу было уже не удержать. Голоса сливались в страшный хор ненависти. Мириам стояла неподвижно, словно парализованная. Её взгляд скользил по лицам людей, не цепляясь ни за одно из них, пока не остановился на Фридрихе фон Тале.

В этот миг что-то изменилось в ней. В её глазах вспыхнуло едва заметное пламя, когда она узнала в нём того молодого человека, что приходил за сапогами в лавку отца. Она вздохнула – еле слышно, и этот тихий звук будто прошёл по тонкой, невидимой струне, натянутой между ней и Фридрихом.

Фридрих шагнул вперёд. Голос его прозвучал резко, ясно, властно, словно меч, разрубающий пути тьмы:

– А ну-ка, оставьте их!

Толпа замерла, словно столкнувшись с непреодолимой силой. Но кузнец Ганс, ослеплённый яростью и вином, двинулся к дворянину с вызовом:

– Дворянчик, сиди тихо, а то худо будет. Сам же жаловался на жидов!

Фридрих усмехнулся, холодно и спокойно:

– Подслушивать нехорошо, кузнец. Отступись, а иначе пеняй на себя.

За его плечом бесшумно встал Манфред, словно тяжёлая и неумолимая тень, внушающая уважение и страх. Будучи трезвым, кузнец ни за что не рискнул бы напасть на дворянина. Но Ганс был пьян и полон злобы – он бросился вперёд, сжимая свои огромные кулачищи.

Меч, словно живое существо, молниеносно оказался в руке Фридриха. Тяжёлое яблоко эфеса ударило кузнеца прямо в лоб. Раздался глухой звук, и Ганс рухнул на палубу, как подрубленное дерево. Тишина накрыла палубу, как толстое одеяло.

Желающих выбросить евреев за борт больше не нашлось.

И тут произошло нечто неожиданное. Мириам, не проронившая ни звука за последние дни, словно пробудилась из глубокого сна. Она всхлипнула, и этот звук был наполнен такой болью и отчаянием, что у всех замерли сердца. Неожиданно для самой себя, она бросилась вперёд, прижавшись к груди Фридриха фон Таля, обняла его, словно пытаясь найти защиту и убежище. Её пальцы отчаянно сжимали его плащ, словно это был единственный якорь, удерживающий её в этом мире.

Слёзы, горячие и горькие, потекли по её щекам – первые слёзы после того страшного дня, когда её жизнь была сломана раз и навсегда. Она прижималась к нему, дрожа, и не могла отпустить, словно боясь, что вместе с ним уйдёт и вся надежда.

Фридрих, некогда бывший монахом Иеронимом, стоял неподвижно, смущённый и растерянный, мягко глядя девушку по волосам. В его глазах застыла глубокая и беспомощная печаль и одновременно – понимание, что судьба снова связала его с чужой болью и страданием.

Корабль плыл по реке, погружаясь в ночь, и пассажиры отвернулись, не в силах выдержать мощь этого молчаливого, трогательного единения двух людей посреди жестокости и равнодушия окружающего мира.

Глава 16. Один день флагеллянта

Генрих проснулся в холодной темноте кельи, стены которой были сложены из грубого камня, пропитанного веками сырости и молитв. Он уже не помнил, когда оставил своё прошлое имя – теперь был лишь Генрих Грешный, слуга Господень, бичующий себя ради искупления грехов мира. Сон покидал его медленно: он вспомнил, что жив, и что мир за пределами этих стен обречён на погибель.

Пробуждение пришло не от света, а от тихой, настойчивой боли в спине. Поднимаясь с твёрдой деревянной лежанки, он почувствовал, как засохшая кровь треснула, потянув за собой корочку кожи, напомнив о вчерашнем крестном ходе. Каждое движение отзывалось болью, но он приветствовал её с благодарностью – боль была знаком милости Божьей, доказательством того, что его жертва не отвергнута.

Генрих медленно опустился на колени перед деревянным распятием, грубо вырезанным, с лицом Христа, страдающим и скорбным. Дрожащие губы шептали знакомые слова молитвы:

– Miserere mei, Deus... – хрипло повторял он. – Помилуй меня, Господи, ибо велик грех мой и грех мира твоего... Не покидай меня, дай силы очистить землю, дай сил нести крест...

Осторожно надев грубую, колючую рубаху, ткань которой цеплялась за свежие раны, он направился в общий зал. Там уже собрались его братья – лица иссушенные постом и ночными бдениями, глаза полные неумолимой решимости и пылающей веры. Завтрак был скуден: ломоть сухого хлеба, уже заплесневелого с краю, и горькая вода из ближайшего колодца. Но Генрих почти не чувствовал вкуса – его разум уже был там, среди грешников на улицах Майнца.

Когда солнце поднялось высоко, крестный ход флагеллянтов, словно живое, покаянное существо, выплеснулся на улицы города. Генрих шёл в первых рядах, босой, с тяжёлым бичом в руке. Он чувствовал, как острые камни мостовой режут кожу ног, но принимал эту боль как часть своего покаяния. Голос его звучал звонко, громко, сливаясь с криками братьев, как один великий голос, призывающий к покаянию:

– Покайтесь, грешники! Покайтесь, ибо близок день гнева Господнего! – кричал он, и сердце его билось в ритме ударов бича.

Толпа расступалась перед ними. Кто-то крестился, кто-то падал на колени, закрывая лицо руками, женщины плакали и взывали о милости. Генрих видел не людей, а сам грех: гордыню в надменных лицах торговцев, блуд в хитрых улыбках женщин, алчность и гнев в глазах менял и ремесленников. Каждый удар бичом по спине был его ответом на это бесконечное море грехов.

Выйдя на пристань, Генрих остановился и стал всматриваться в корабли, медленно покачивающиеся на речных волнах. Его взгляд, затуманенный болью и иступлением, наткнулся на «Чёрный лебедь». Он вздрогнул: чёрные паруса казались крыльями проклятой птицы, предвестником беды и нечистоты.

– Прокажённые! Грешники! – голос Генриха взлетел над водой, словно раскаты грома. – Зачем вы скрываетесь от кары Господней?! Ступайте на берег и покайтесь! Вон с реки! Никто не будет спасён без крови!

Его голос сорвался на хрип, горло перехватило, глаза заволокло кровавым туманом. Он рухнул на колени, и удары бичом стали ещё ожесточённее, словно он пытался стереть с себя саму жизнь. Кровь текла по спине и плечам, смешиваясь с потом и грязью, капая на камни пристани, очищая её от греха.

Толпа постепенно расходилась, и братья стали возвращаться в монастырь, оставляя Генриха на пристани одного. Измождённый, полуслепой от боли и слабости, он смотрел вслед

кораблю, удаляющемуся вниз по реке, и сердце его наполнилось отчаянием и стыдом. Он не смог заставить грешников покаяться, не смог спасти их души.

Наступила ночь. Генрих, пошатываясь, вернулся в монастырь, чувствуя, как силы покидают его. Руки его дрожали, глаза горели лихорадочным блеском. В келье он снова рухнул на колени перед распятием, долго молился, пока голос не сорвался окончательно. Потом лёг на твёрдую лежанку, погружаясь в тяжёлый, прерывистый сон. В его голове мелькнула последняя мысль перед тем, как тьма поглотила его:

«Недостаточно. Я сделал недостаточно. Завтра, Господи, завтра я пойду снова. Дай мне силы, ибо кара твоя уже здесь, и никто, никто не избежит её...».

Глава 17. Крещение Мириам

Река медленно несла «Чёрного лебедя» по широким водам Рейна, и берега, поросшие лесом, тихо проплывали мимо. Я стоял на корме, задумчиво глядя в набегающие волны. С тех пор как я спас Мириам от ярости толпы, девушка стала словно моей тенью, шагу не делала без меня. Исаак, её отец, после происшествия униженно кланялся, многословно благодарил, а после – к нам не приближался.

– Я боюсь, господин мой, – тихо сказала Мириам, подойдя ближе, – страх не покидает меня. Что ждёт меня в Кёльне? Снова эти взгляды, шёпот, презрение? А когда грянет очередной погром – кто защитит меня? Отец? Он сам сказал, что предпочёл бы скорее видеть меня мёртвой, чем опозоренной.

Её голос дрожал, а глаза были полны такой глубокой, бездонной тоски, что моё сердце жалось от жалости к девушке и злости на её обидчиков.

В тот вечер, когда девушка наконец задремала, прислонившись к борту, я подошёл к Манфреду, который с равнодушным видом точил свой меч.

– Что теперь делать, Манфред? Она боится вернуться в общину.

Манфред, который прежде был отцом Бенедиктом, а еще раньше – воином и магом по имени Эгиль Скаллаgrimссон, хмыкнул, не отрывая взгляда от лезвия:

– Сдаётся мне, вы думали не головой, господин мой, когда бросились защищать девицу. Что теперь будете с нею делать? Надо было вам тогда, в бане, воспользоваться моим советом, а не изображать святого.

Я поморщился. Кое в чём он был прав – нежная, хрупкая красота Мириам волновала и притягивала меня. Но я ответил серьёзно:

– Я не смог защитить свою мать, и это мучает меня. Я больше не позволю обижать женщин, кем бы они ни были.

Манфред пожал плечами и улыбнулся с тихой насмешкой:

– Что сделано, то сделано, господин мой. Последствия будут в любом случае, и теперь поздно обсуждать, что могло бы быть. Лучше бы вам продолжить упражнения, не то этот прыткий еврей в следующий раз порубит вас в капусту. Вы же понимаете, что он не отвяжется?

Я мрачно кивнул, и следующие дни проходили в изнурительных тренировках. Манфред заставлял меня отжиматься, вращать меч, выполнять сложные фигуры даже в тесноте пассажирской палубы. Пассажиры наблюдали за этим с опаской и удивлением, но подходить не решались. Мириам тем временем починила плащ и бригантину Манфреда, пострадавшие в бою, так бережно и аккуратно, что повреждений не стало видно вовсе.

Через два дня «Чёрный лебедь» подошёл к Майнцу. Капитан собирался причалить, но пристань оказалась занята странными фигурами. Вдоль берега тянулась процессия флагеллянтов, одетых в белые балахоны с алыми крестами. Их монотонное пение, похожее на стон, поднималось над водой. С каждым шагом они били себя плетьюми, так, что кровавые брызги летели на мостовую.

Один из флагеллянтов, с налитыми кровью глазами, заметил корабль и указал на него рукой, взыв диким голосом:

– Прокажённые! Грешники! Зачем вы скрываетесь от кары Господней?! Ступайте на берег и покайтесь!

– Вон с реки! – подхватили остальные, размахивая бичами. – Никто не будет спасён без крови!

Один из них, исступлённо крича, вошёл по колена в воду, потрясая бичом, словно изгоня нечистую силу. Капитан, побледнев, тихо отдал приказ:

– Они перекрыли пристань. Отходим.

Медленно, словно испуганное животное, корабль стал отползать от берега. Пение и крики постепенно затихли вдали, и все облегчённо вздохнули.

Через несколько дней мы наконец достигли Кёльна.

Высокий левый берег Рейна открывал взору сумбурную картину пристани, наполненной гомоном, криками, грубой руганью и беспрестанным движением. Корабли, большие и малые, теснились вдоль причалов, как олени у водопоя. Деревянный мост, громоздкий, на тяжёлых сваях, казался огромным животным, раскинувшим свои конечности над рекой и связывающим город с правым берегом, где, как слепые щенята, теснились низкие, убогие домишки слободы Дойц.

Городские стены, серые и величественные, возвышались над пристанью, увенчанные башнями, каждая из которых словно соперничала с соседней за право быть выше и важнее. Эти башни, суровые и неприступные, безразлично взирали на мельтешение у своих ног, будто мудрые старцы, утомлённые суетой мирской жизни.

На пристани царил привычный хаос. Грузчики, покрытые потом и грязью, таскали тяжёлые мешки с зерном, тюки с шерстью и бочонки с вином. Кто-то торговался до хрипоты, ругаясь на всех языках, какие только знали берега Рейна. Животные ревели и блеяли, грохот копыт по деревянным мосткам смешивался с людским гомоном. Запах был густым и удушливым – рыба, гниющие фрукты, перегной, нечистоты и дым от костров, на которых готовили еду и плавили смолу.

Едва мы сошли на берег, как Исаак неожиданно, словно охваченный паникой, схватил дочь за руку. Голос его колебался от отчаяния к ярости и обратно:

– Мириам, послушай меня, дитя! Что ты делаешь?! Пойдём сейчас же! Ты возвращаешься домой, к своим! К нашей общине!

– Домой?! – взорвалась девушка, вырывая руку. Глаза её вспыхнули гневом, голос сорвался на крик. – Какой дом, отец?! Ты сам сказал, что лучше бы я умерла, чем пережила этот позор! Как я вернусь к тем, кто от меня отвернулся, кто не защитил меня от палачей? Ты хочешь, чтобы я снова пережила этот ужас?

– Мириам, не говори так! – закричал в ответ Исаак, лицо его покраснело от стыда и злобы одновременно. – Ты знаешь, что не это я имел в виду! Слова вырвались в боли и горечи, пойми же меня! Я твой отец, твоя семья! Я защищу тебя...

– Защитишь?! – с горьким презрением выкрикнула Мириам, разводя руками и указывая на толпу вокруг. – Ты, отец, который не смог защитить меня тогда, когда это было нужно больше всего? Где был ты, когда они ворвались в дом? Где была твоя защита? Нет, отец, теперь поздно! Лучше я умру в муках, чем снова доверюсь тебе и им!

Исаак пошатнулся, словно от удара. Глаза его наполнились слезами, голос задрожал умоляюще и слабо:

– Мириам, дитя моё, прошу тебя... подумай о нашей вере, о твоей матери... что бы она сказала...

– Не смей говорить о ней! – перебила девушка, голос её сорвался на отчаянный плач. – Она бы поняла меня! Ты не понимаешь, никто не понимает! Вы все отвернулись от меня, и теперь я мертва для вас, а вы мертвы для меня! Оставь меня, отец, иди к своим!

– А этим гоям ты поверила?! – закричал Исаак, указывая на нас с Манфредом. – Они используют тебя, а потом выбросят на улицу!

Я начал злиться, а Манфред больше поглядывал по сторонам, полностью игнорируя происходящее.

– Эти гои спасли нам жизнь, пока ты ползал на коленях перед тем кузнецом! Вот они-то смогут защитить и себя, и меня! – выкрикнула Мириам.

Исаак застыл, потерянный и сломленный, не в силах произнести ни слова. Его плечи опустились, словно на них легла непомерная тяжесть. Он стоял, беспомощно глядя вслед уходящей дочери.

Манфред остановился, пристально и спокойно взглянув в глаза Мириам:

– Ты должна принять крещение. Нужна запись в церковной книге. Без этого тебя здесь никто не признает за свою.

Мириам замерла, её глаза расширились, но в них не было страха, лишь усталость и решимость. Голос её прозвучал тихо, но твёрдо:

– Пусть так. Всё лучше, чем вернуться обратно, в тот кошмар.

– Тогда идём, – тихо произнёс я и мягко взял её за руку, направляясь к церкви, возвышавшейся неподалёку от пристани. Это был храм Санта-Мария Лискирхен. Ступая по грязной, пропитанной запахами нечистот улице, мы приближались к церкви, и Мириам всё теснее прижималась ко мне, словно боялась потерять свою последнюю опору.

Возле храма царили особый шум и суета. Под низким навесом, устроенным прямо у стен церкви, развернулась бойкая торговля индульгенциями. Громкие, хриплые голоса выкрикивали, соревнуясь в убедительности:

– Покупайте, спасайте свои души, пока ещё есть деньги и время! Завтра может быть поздно!

Возле прилавка стояла пожилая женщина, очевидно вдова. Она с отчаянием в глазах умоляла священника:

– Святой отец, будьте милосердны! Возьмите хотя бы это, это всё, что у меня есть! Муж мой был грешник, но не настолько, чтобы обречь его душу на вечные муки!

Священник, молодой и строгий, качал головой с холодным безразличием:

– Господь не торгуется, женщина. Половина индульгенции – половина спасения. Бери, если хочешь, или уходи.

Манфред, спокойно наблюдая за происходящим, остался у входа, держа лошадь и сохраняя настороженную бдительность. Я тем временем решительно повёл Мириам внутрь.

Войдя в церковь, девушка остановилась, оглядываясь. Храм был наполнен мерцающим светом свечей и запахом воска и ладана. Тёмные своды тянулись вверх, где в полумраке виднелись фрески с ликами святых и ангелов. Лица их были строгими, печальными и исполненными сострадания.

– Всё так странно, – тихо произнесла Мириам, словно боясь потревожить древний покой. – Никогда не была в таком месте.

– Ты привыкнешь, – успокоил её я. – Главное, не бойся.

Из глубины храма медленно и осторожно вышел пожилой священник. Он был сутул, худощав, с глубокими морщинами, избороздившими его лицо, и пронизательными глазами.

Священник внимательно оглядел нас с Мириам, затем неторопливо приблизился, сложив руки перед собой:

– Мир вам, дети мои, – произнёс он тихим, ровным голосом, в котором слышались долгие годы служения. – Чем могу помочь вам?

Я почтительно склонил голову, слегка сжав ладонь Мириам в своей, чтобы придать ей уверенности, и негромко, но твёрдо ответил:

– Отче, эта девушка – иудейка. Душа её ищет спасения и покоя. Она желает принять крещение, чтобы обрести новую жизнь под сенью Христа.

Священник задумчиво нахмурился, внимательно вглядываясь в лицо Мириам, словно пытаясь прочесть её мысли и намерения. Его взгляд был строгим, но не лишённым доброты и сострадания:

– Как тебя зовут, дочь моя? – спросил он наконец.

Мириам слегка вздрогнула и тихо ответила, не отводя взгляда:

– Мириам.

– Мириам, – повторил священник медленно, словно пробуя имя на вкус. – Ты понимаешь, дитя, что отныне ты вступаешь на путь, с которого не будет возврата? Ты готова оставить позади всё, что знала прежде, всех, кого знала, и стать дочерью Христовой?

Девушка глубоко вдохнула, на мгновение закрыв глаза, затем твёрдо ответила:

– Да, отче. Я готова оставить всё позади. У меня нет больше прошлого, есть только надежда на будущее.

Священник ещё раз внимательно оглядел девушку, затем перевёл взгляд на меня.

– Вера – дело серьёзное, и церковь всегда благодарна тем, кто поддерживает её в трудах земных.

Я извлёк из небольшого кошелька золотой флорин и протянул его священнику.

– Пусть это будет на благо вашей церкви и во славу Господа.

Священник удовлетворённо кивнул, слегка улыбнувшись:

– Господь воздаст тебе, сын мой. Подойдите к купели.

Я подвёл Мириам к крестильной купели, сделанной из гладкого камня, наполненной прозрачной, слегка колышущейся водой. Девушка смотрела на воду с трепетом и надеждой, словно видела в ней отражение своей новой жизни.

Священник взял небольшую серебряную чашу и зачерпнул воду, слегка подняв её над головой девушки:

– Отрекаешься ли ты от Сатаны и всех дел его, и всех обманов его?

Мириам тихо, но уверенно ответила:

– Отрекаюсь.

– Веруешь ли ты во единого Бога Отца Всемогущего, Создателя неба и земли?

– Верую, – прошептала девушка, голос её звучал спокойно и твёрдо.

– Веруешь ли ты в Иисуса Христа, Сына Его единственного, Господа нашего?

– Верую, – повторила она с ещё большей решимостью.

– Веруешь ли ты в Духа Святого, святую церковь, общение святых, прощение грехов, воскресение плоти и жизнь вечную?

– Верую, – сказала Мириам и впервые улыбнулась, почувствовав, как сердце её наполняется светом.

Священник осторожно пролил воду на её лоб, произнося торжественно и ясно:

– Крещу тебя Марией, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Холодные капли коснулись её кожи, и девушка почувствовала, как всё прошлое, вся боль и страх словно смываются водой, оставляя её чистой и обновлённой.

Священник положил руку на голову новокрещённой, благословляя её:

– Теперь ты дочь Божья, Мария. Иди и будь верной Ему до конца своих дней.

Мария медленно поднялась, глядя в глаза Иеронима. Впервые за долгое время в её взгляде не было ни страха, ни тревоги, лишь тихая, чистая радость и спокойствие, словно тяжёлый груз наконец был снят с её плеч.

Однако, выйдя из храма, она тихонько, совсем по-девчоночьи, хихикнула:

– Нехорошо так говорить, но святой отец в точности похож на нашего раввина Элиэзера. Торгуется с таким же блеском!

Глава 18. Ханна и цирк

Ранним утром, когда над Базелем только-только занималась розоватая полоска рассвета, Ханна тихо покинула дом дяди. Она шла быстро и уверенно, как человек, принявший окончательное решение. Город ещё не проснулся, и её шаги гулко звучали на пустых улицах, эхом отдаваясь от стен домов.

Цирк уже оживлённо собирался в дорогу. Посреди площади возвышался большой фургон с крепкими деревянными колёсами, запряжённый шестеркой лошадей. Возница, седовласый мужчина с заспанным, помятым лицом, возился с упряжью, ругаясь вполголоса. Ханна подошла к нему и сказала:

– Отведи меня к мадам Розе.

Старик медленно обернулся, хмуро глядя на девушку:

– Ух какая! Глазищи так и сверкают! А чего тебе надобно от самой мадам?

Он был явно навеселе, и Ханна холодно ответила:

– Об этом я скажу только ей самой.

Старик пожал плечами и, нетвёрдо ступая, повёл её к небольшому шатру, который ещё не был убран. Он приподнял полог и почтительно произнёс:

– Госпожа Роза, тут какая-то девка с вами поговорить желает.

– Пусть войдёт! – отозвался старческий, но твёрдый голос.

Ханна пристально посмотрела на старика, запоминая каждую черту его лица. «Девку» она ему ещё припомнит.

Войдя в шатёр, Ханна едва не споткнулась на пороге – оттого, что воздух здесь был иной: насыщенный ароматом трав и пряных масел. Перед ней, на горке ярких подушек и узорных ковров, восседала женщина, которую невозможно было назвать просто старухой. Её фигура была тонка и пряма, а в тяжёлом тёмно-красном платье с вышитыми по подолу звёздами она казалась не то восточной княгиней, не то провидицей из древней сказки. Плечи мадам Розы были покрыты бархатным платком, а её запястья были украшены потемневшими от времени медными браслетами.

Лицо мадам Розы было тонко вылеплено – высокие скулы, упрямый подбородок. Но больше всего притягивали глаза: большие и тёмные. Этот взгляд, казалось, проникал в самую суть вещей. В мадам Розе было что-то от ясновидящей, а что-то – от властной хозяйки кочевого рода.

- Кто ты и что тебе нужно, девочка? – спросила она.
- Меня зовут Грета, и я поеду с вами в Кёльн.
- А зачем мне тебя брать, Грета?

– Я умею лечить и умею шить, – спокойно ответила Ханна, – а остальному быстро научусь.

Ведьма внимательно смотрела ей в лицо.

– Лечить – это хорошо. А кто ты на самом деле? От кого бежишь? Кто ударил тебя по лицу? Муж? Отец?

– Никто за мной не гонится, – ответила Ханна, стараясь не отводить взгляд. – В Кельне мой жених, а по лицу меня бил один негодяй, решивший воспользоваться мной. Больше он уже никого не тронет.

Взгляд ведьмы был тяжёл и пронизателен. Внезапно Ханну охватило желание всё-всё рассказать этой мудрой старой женщине, поделиться своей историей от начала до конца. Она уже открыла рот, чтобы излить душу, но в это мгновение к ней пришло ощущение чего-то огромного и тёмного, словно чужая воля из бездны протянулась к ней, и как-то это было связано с тем убийством, которое она совершила. Как будто кто-то другой, неизмеримо больший, чем она сама, глянул её глазами, и в тот миг она словно увидела себя и старуху со стороны – и прикусила язык.

Роза внимательно глядела на Ханну. В её глазах появилось замешательство. Пальцы её невольно сжались, а затем разжались. Она медленно наклонилась вперёд. В её глазах попеременно вспыхивали сомнения и удивление, а затем она выдохнула:

– Ты... еврейка!

Ханна не ответила. Но что-то мелькнуло в её взгляде – быстро, как вспышка молнии, и такое, что мадам Роза резко откинулась назад и вскинула руку, как будто защищаясь.

– Стой! – сказала она, и голос её был уже не властный, как раньше, а напряжённый, почти испуганный. – Я не хочу тебе зла. Я не враг. Но ты должна понять – я отвечаю за этих людей. За группу. Мы живём на острие ножа – и без того церковь смотрит на нас как на отродий Сатаны. Я не хочу неприятностей, ты слышишь?

– От меня их не будет, – спокойно, даже холодно ответила Ханна. – Никто ничего не узнает.

– Твоё настоящее имя?

– Ханна, – сказала она, и это имя прозвучало твёрдо, как удар молота по камню.

Роза ещё некоторое время разглядывала её, потом кивнула. Она медленно развязала алый бархатный мешочек и извлекла из него тщательно отполированный обсидиановый диск. В её руках тёмное зеркало казалось по-настоящему живым – глубоким, как ночь без звёзд, и холодным, как вода в горном роднике. Она придвинула его ближе к свету масляной лампы – и жестом велела Ханне молчать.

Долго, будто целую вечность, ведьма неотрывно глядела в гладкую чёрную бездну. И вот она заговорила – медленно, вполголоса, словно слушая сама себя:

– Никогда ещё мне не открывалось подобного, – прошептала красная ведьма, не сводя глаз с обсидиановой глади. – Твои руки в крови. Вижу над тобой тень древней силы, холодной и опасной, как ядовитая змея. Это старый бог, забытый, скованный узами боли... Он ищет освобождения и тянется к тебе, Ханна, как подобное притягивает подобное... Не становись его слепым орудием. Если хватит воли, ты сумеешь взять себе часть его силы – и не потерять себя. Помни: это и дар, и испытание.

Ведьма медленно поднялась, двигаясь с достоинством, будто ступая по ковровой дорожке в собственном тронном зале. Она взяла Ханну за руку – ладонь у неё оказалась сухая и тёплая, а хватка неожиданно крепкая.

Они вышли из шатра. Вокруг фургона уже собирались остальные артисты, каждый был занят привычными утренними хлопотами – кто-то подтягивал упряжь у лошадей, кто-то укладывал реквизит, кто-то проверял запас воды и хлеба. Мадам Роза выпрямилась во весь рост и, подняв руку, объявила громко, чтобы никто не мог пропустить ни слова:

– Вот эта девушка с нами. Зовите её Грета. Она едет с нами в Кёльн, и отныне она часть нашей труппы. Грета – лекарь и швея. Петер, покажешь ей свою рану!

Петер Кулак, рыжебородый великан, повернулся к Грете. В тени фургона его огромная фигура казалась ещё внушительнее. Он был настоящим силачом: добродушный с друзьями, страшный с врагами, умевший одной рукой поднять огромную гирю и так же легко – выбросить пьяного буяна за пределы ярмарочного круга. Как раз такой забулдыга на днях и порезал ему руку ножом, и рана загноилась. Петера уважали все, даже лошади, которые слушались его мягкого голоса и тяжёлой ладони.

Урс по прозвищу Свисток был человеком приметным: седой, неопрятный, весь в каких-то пятнах и лохмотьях, с багровым носом и глазами, вечно шарящими по сторонам. Он словно опасался, что кто-нибудь отнимет у него драгоценную бутылку. С утра он уже успел приложиться к ней, и голос его звенел похмельной дрожью. Он был музыкант и кукольник.

Больше всех Урса любили дети, хотя и побаивались: его деревянные куклы будто сами умели хихикать, шептаться, даже спорить – то вдруг обращались к малышам с дерзким замечанием, то подбадривали несмелых шуткой. А ещё Урс был мастером тростниковых игрушек: мог за пару минут выстругать свистульку, издававшую настолько пронзительные звуки, что закладывало уши. Своим фокусам он придавал такую важность, будто творил великое искусство, а в споре за лишнюю монету мог пустить в ход словцо острое, как игла.

Урс оглядел Ханну с ног до головы мутноватым взглядом и буркнул без стеснения:

– О, опять эта девка. Что, не нашлось тебе места у честных людей?

Он хмыкнул, но, уловив строгий взгляд Розы, поспешил заняться своими куклами.

Затем Ханна познакомилась с близнецами – Лоттой и Клеменцем. Они были юны, стройны, будто выточены из одного куска светлого дерева, оба с одинаковыми тёмными волосами и холодными, слишком внимательными глазами. Их лица редко меняли выражение: на них застыла кукольная улыбка, и даже во время самых опасных трюков близнецы выглядели так, словно наблюдают за происходящим со стороны. Их акробатика была настоящим искусством – они взлетали, будто не зная тяжести, кувыркались над пламенем, ловко ползали по шесту и нередко пугали даже своих коллег, не говоря уж о зрителях.

Тилль Кривой – высокий, слегка сутулый парень с покалеченной ногой, всегда носил свой колпак с бубенцами и не расставался с несколькими яблоками или ножами для жонглирования. Он был мастером смешить толпу – то дурашливо пританцовывая, то неожиданно перекачываясь на ходулях прямо сквозь гущу зевак, бросая дерзкие шутки и тут же ловко уклоняясь от полета гнилых овощей и тухлых яиц. Его прозвище – Кривой – было для него предметом гордости, а каждый новый синяк воспринимался им как знак признания публики.

Наконец, в стороне стоял Рено Черноглазый – молчаливый и почти прозрачный, как тень.

Его сухощавое тело не выглядело сильным, но в каждом движении чувствовалась скрытая пружинистая энергия.

Волосы у него были чёрные, как вороново крыло, а глаза – бездонные, тёмные, в которых редко загоралась улыбка. Он метал ножи так, что, казалось, не прилагал к этому усилий: взмах руки – и стальной блеск молнией вспарывал воздух, вонзаясь в цель без промаха. О прошлом своём Рено не рассказывал, и никто не спрашивал.

И был ещё ворон – огромный, чёрный как смоль, с блестящими умными глазами и мощным клювом. Его звали Марк, и он умел не только зловеще каркать, но и повторять слова и фразы, зачастую – к месту, а порой и с неожиданной ехидцей. Сейчас, заметив новую девушку, ворон вскинул голову, расправил крылья и произнёс с особенным акцентом: – Здравствуй, Грррета!

Так Ханна, ставшая теперь Гретой, переступила порог в мир бродячего цирка.

Когда труппа сделала первый привал в сумрачной чаще, где над головами шумели тяжёлые ветви, а на влажной земле лежала прелая листва, Ханна сразу занялась делом. Петер Кулак

сидел на бревне у фургона, мрачно разглядывая свою покаленную руку – запястье распухло, рана гноилась, а по коже тянулись багровые полосы воспаления. Он пытался спрятать беспокойство под обычной бравадой, но было видно: боль терзала его едва ли не больше страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.